

СМЕНА

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

АНАТОЛИЙ КАРПОВ: НИКОГДА НЕ ИГРАЮ НА НИЧЬЮ

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

НАСТАВНИК И УЧЕНИЦА.

Елена КУЛАГИНА,
корреспондент костромской газеты
«Молодой ленинец»,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

НАКАЗ
КОМСОМОЛЬСКОГО
СЪЕЗДА

«Развивать движение наставничества, шире привлекать к воспитанию молодежи кадровых производственников, ветеранов труда, передовиков соревнования».

Из резолюции
XVII съезда ВЛКСМ

Из отпуска Людка вовремя не вышла. Нельзя сказать, что эти последние дни получились у нее веселыми и беззаботными: там, внутри, не таял холодок тревоги. На участие ее встретили хмуро. А после смены навалились страсти. Мастальщики постарше раскричались: «Не нуэма нам такая работница, мы из-за нее план терведем, так и без премияльных останемся». Злые у этих людей были, уставые. Не только Людмиле, всем девчонкам грези многочисленные припоминки. Те пытались отругиваться, разговор все более уходил в сферу выискивания деталей второстепенных, а Людка сидела напруженная и ждала. Встала Ксения Милостнова, сказала: «Давайте поверим Людке. В последний раз». В общем, поверили тогда не Людке — Ксении Викторшне.

Жизнь пошла своим чередом. Потом Людка уехала домой, а вернулась почти через неделю. Была она сама не своя, но это казалось понятным, — людей на комбинате не хватает, и прогнанным тут отношение неприглядное: каждый из пропущенных дней на план со знаком «минус» работает. На этот раз публичное обсуждение устраивать не стали, собрались руководители смены. Людка молчала, как каменная. И тогда хлопнула дверью Ксения Викторшна, «мама Оксан», сама доброты, само терпение: «Хватит возмущаться! Глаза у нее были чудные, потемневшие. Людка вслед захлебнулась слезами: «Дома у меня плохое, не могла я маму одну оставить».

До работы Людку допустим, но поскольку мела она репутацию девчонки бесшабашной, на слово не поверили. Дело об увольнении за прогул было передано в цехкомитет, шла речь об исключении из комсомола. Ксения Викторшна, которой,

проплакавшись, рассказала Людка неиздленную житейскую историю про дебоши пьяного отца, добилась отсрочки. Сказала: «Работай спокойно». На место слугибию отца был послан запрос. Ждали ответа, а он не приходил. Больше всех воюновалась Ксения Викторшна: и в Людке не хотелось ошибиться и в тоб на комсомольскую группу позор не выпадет. И вот известие: в семье порядок наведен, после письма с комбината над отцом был унесен товарищеский суд, это подествовало отрезвляюще.

Людмила с тех пор тоже изменилась, доверчивее, спокойнее стала. Но ее митарствам не суждено еще было кончиться. В общевитни пропала вещь. Может, ковсонные каине улички против нее были, может, репутация старая роль свою сыграла, но обвинение пало на Людку. Бытсовет объявил собрание: котели Людку из обшежития выселить. Ксения Викторшна отпросилась со смены. В уголке уселась, спокойная, неприступная. А умк потом и девчонкам тем не

ФАБРИЧНАЯ ПРОХОДНАЯ,
КОТОРАЯ МНОГИХ ВЫВЕЛА В ЛЮДИ.

РСФСР
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ЛЬНОКОМБИНАТ
ИМЕНИ И.Д. ЗВОРЫКИНА

разобраться и воспитателю с комментом показала всю мощь своего темперамента. Я знаю, как она выступать может. Слышала на одном гладком и благополучном собрании. Говорила она тогда о вещах самых житейских, но говорила, что называется, со страстью, и тишина была взорвана, и круги от ее выступления пошли широко, и собрание перестало быть гладким и благополучным, а стало живым.

Людку опять отстояли. Обыкновенная она в общем-то девчонка, эта Людка.

Семнадцать лет на комбинат из своего райцентра приехала. Дух — как дом на семи ветрах, всякую открыта. Сказать по правде, она почти не почувствовала разницы между Нострой и своим райцентром. Кинотеатров, конечно, побольше, на танцы куда пойти — тоже выбор. И то особенно. Работа! Ну, работать Людка может, когда не ленится, конечно. Она одна из девчонок за Таларой Пыльной ухаживает горюда. А это вам не шутка — Ингина считается лучшей мотальщицей ордена Ленина льнокомбината имени И. Д. Зворыкина. Общественно! В общественности Людке нравилось — свобода! Длительная городская свобода от всевидящих, всезнающих глаз родных и соседей. Проблемы коммуникабельности Людку не мучили. Девчонки были свои — недавние горожанки с восьмилеткой за плечами. Почему ей больше всех доставалось! Такой уж неслышанный уродился. Во время сарьянского собрания рассказывать может — не удержишь, звон в колокольчики до утра. Голос у нее громкий, ничего особенного и не скажет, а людка кажется — нагубили. Ну и с дисциплиной, что правда, то правда, а nelaда бывала. В цехе многие убеждены: «Если б не Оксана, давно б Людям тут не было». А Людка ухаживает на собраниях. Людка говорит: «Я такого человека в первый раз встречаю».

***

В юности мы идем истинны. Еще вернее так — человека, в чьи истинны мы поверили.

У Ксении Викторовны истинны прощые, житейские. Ира Иванова, ношенная, это сразу узнала. С первого дня: «Мила Оксана!»

Начальство Милостнову спрашивает: «Когда ты нормы выполнять успеваешь!»

Ровесницы вздыхают: «Все бегавши! Когда успишь!»

Кто же она, Ксения Викторовна Милостнова, эта первая любовь всех девчонок второй смены! Рядовая текстильщица, мотальщица. И еще — партийный группор.

Трудовую книжку Ксении Милостновой выдали в 1932 году. Было ей тогда тринадцать лет; в двенадцать она поступила в ФЗУ обувщиков и стала работать на фабрике «Х Октябрь». Шла война, фронт требовал не только снарядов, но и снагов. Так что детство кончилось рано, а юность была военная, трудовая, а хлебными картошками и вечным страхом пропать. Не и без работы на обувной фабрике 23 из 43 своих лет протростила Ксения Викторовна у мотальной машины.

А теперь в цехе говорят, что после реконструкции комбината вообще такой профессии на ткацкой фабрике не останется — мотальщица: льняная нить уже из вредливой будет выводить Беленая, нарабатанная на Бобина. Грустно ли от этой мысли Ксении Викторовне долетает! Да нет. Зачем она грустить будет, если людям — облегчение. Научно-технический прогресс для нее тою из великих изобретений: на глазах сколько измени-

**НАША ОБЛОЖКА: ЧЛЕН
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ, СТАЖИСТ ЛЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА, МЕЖДУНАРОДНЫХ
ПРОСВЕЩЕНАЯ АНАТОЛИИ
КАРПОВ.**

Фото Дмитрия ДОНСКОГО

ОЧЕРК «КВАРТАР ГРОССМЕИСТРА
КАРПОВА» НА СТРАНИЦАХ 22—23.

4
ОРДЕН НА ЗНАМЕНИ.
Статья первого
секретаря Тюменского
обкома ВЛКСМ
Валерия ГОРЧАКОВА.

10
МАРШРУТЫ
БЕССОРТИЯ.
Новосибирский
репортаж.

20
МОДЫ: ОСЕНЬ-74.

28
ПОСЛЕ ДВЕНЬ
ПОЕДУ В УСТЬ-ИЛИМ.
К 30-летию
социалистической
революции в Болгарии.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**СТАТЬЯ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ ВЛАДИМИРА АНДРИАНОВА**

**«БИТЬЕ ДО ПОСЛЕДНЕГО»
К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО**

**ЗАПИСКИ КАДЕТСКОГО ХОККЕЙНОГО
ВРАТАРЯ КЕНА ДРАЙДЕНА**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЫ: В. С. Абакин, А. П. Кулшов, А. А. Лыков (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победносцов, Р. И. Рондженский, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, А. П. Серета, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

В общем, останутся на таковой фабрике металлургии или нет, вопрос будущего, а сегодня девчонки, которые приходят в приготовительный цех, ставят ученицкам к Милостивой. Поцелую мамочку и ней! Потому что знают, но и откажутся, хоть и в рубле не мало проиграно. Правда, у нее есть небольшое превышение нормы, но текстильщица скажут: для мотальщицы это результат средине. Ее же девчонки с Большая опрессована идут. А с опытом Милостивой проценты можно гнуть да гнать: и себе хорошо, и государству польза. Только не в один процент, а в полтора государственная, это тоже ясно. Через десять дней ученица начинает работать самостоятельно, но если увидит мама Оксана — запарывала бедняжка, стоит коромысло, все бросает, ней бежит. А в ученицку у нее, знаете, сколько девчонки побывало! Только по последним официальным данным — пятидесяти. Так то по официальным данным...

И еще потому ставит девчонку ученицкам к Ксении Викторовне, что знает: не только специальность научит, но и возмись будет сколько надо, горой стоять. «У Людям душа хороша», — многие она доказывала и доказательств сумела. Людье — в первую очередь...

Ох, уж эти хлопоты Ксении Викторовны! Все-то ей надо, все ее вмешательства требует. «Мимо чужой судьбы пройди не можешь», — так в цехе говорят.

Приехала девчонка напелте, а тут зима на носу, пальто теплое нет и заработать еще не успела. Идем же мы будом, едем же не дождь! Это из призывов к членам партии...

Отпуск пообещали Нине Строженко, потом стали задерживать, а Нина год дома не была, но маме сосучилась. Поняте эту надо! И Нику отстояла...

А также: начинается утренняя смена, двох-трех нет. Ага, из одной комнаты, спит, значит. Машину оставляет — и к телефону. Через сколько-то минут заспанные девчонки на месте. «Спасибо, Оксана, а то мы будильники завести забыли...»

Мелоч, детали! Так жизнь она вся из деталей. Вот и живет Ксения Викторовна жизнью своих девчонки. Платят они ей за это преданность, открытость и любовь.

Ксении Викторовне шапки-невиданки не надо. Она знает все о каждой. Людья с выходов пришла грустная. «Мне бы твои заботы, Людья. Опять с парнем поссорилась!» А как мать? Вот какой конфликт у бесшабашной этой Людья — одна в клубе вышла шейка танцевать, а парню это не понравилось, моралист!

А вот у Ворочки причины для грусти посерьезнее — работает давненько, а дело плохо идет, зарабатывает немного. Делом в деревне работники пожилые, им помочь надо — картошку посадить, дело подконтролировать. Вот и надумала уходить Верочка. И заявление уже настрочила. А уходить-то не хочется, привыкла уже здесь. Ксения Викторовна брать расчет тоже смысла не видит: с Верой говорила по долгу, и хоть народу у обрез выхлопата ей отпусти, родителям помочь. «А вернуться — на цветную пряжу тебя поставили, может, лучше дела пойдут. Вернулася Верочка, из цветной пряжи работает.

Девочки порой не замечают, что любовь их згонитчина.

«Оксан! На лыжах пойдешь! Если нет, мы тоже не пойдем».

И она идет. На лыжах. На колесомолочный субсидии не надо. Едет в дом отапли. Они и на танцы в парке ее летом зовут, но уж тут мама Оксана нестеснилась. И тогда после танца они вваливаются к ней домой — принарядные, веселые, возбужденные.

Помануй, трудно сказать, кого девчонки больше. И Ксения Викторовна видит — ахть как роду! Мамы парней не адекватно раскиснут, стесняются, и о несприятельства на работе стараются не говорить, не огорчить окружающих. Ксения Викторовна говорит все, не задумываясь о том, что переживает-то она тоже по-матерински, что здоровее ее не железное, усталость стала быстрее и голова побаливает все чаще...

Что же заставляет ее, мотальщицу Ксению Милостивую, приходиться на комбинат за два часа до начала смены, портить себе нервы из-за этих девчонки, врать, и мамы своим, хлопотать в профком, докармывать с мастером, чтобы отпустил оперативно Димкулету пораньше, пока у многих не кончилась увольнительная... — да разрабосались же все, дела и заботы мамы Оксаны!

Когда сын приходит с уроков расстроеным и она знает, что в школьном этом конфликте правда не за учителем, душой не крикнет.

— Так что же, удушной улыбки девятиклассника спрашивать сам, — все лады Оксаны!

— Да,— отвечает твердо.— Ничего не подделывай, есть на свете неумные люди и неумные дела.

Она хочет, чтобы сын был не клопком, а мужиком. Сын вырос чужим к несправедливости.

А про девчонку Ксения Викторовна говорит:

— Один они тут, без семьи, без дома. Страшно, что обидеть могут, вот и хлопоту.

Противоречий! Да нет. Та же обостренная материнством ответственность за юные судьбы.

И еще — долг. Она сама говорит: «Мне ведь тоже порой хочется и до-машней поринать прийти и зарпорить плутичь побольше. Но раз уж выбрали меня на эту должность — надо работать». В парторга Ксения Викторовна без малого десять лет.

Тепло с ней девчонкам, увереннее! Да. Это много, но это еще не все. Простые, житейские истины Ксении Викторовны Милостивой стали для девчонки целой школой гражданской и нравственной культуры.

...Весной начало декоратив предмашину фабрику — не хватало людей, горел план. Администрация приняла решение, по которому на помощь предмашинистки должны были прийти все производители. С ипотечного участка в предмашину шли неотуно: условия труда там тяжелее. Один о расчете сразу заговорили, другой болел, старая приехала. Первой в предмашину ушла Ксения Викторовна: «Еде наша не пропадала!» Вместо положенного месяца отработала два. А за ней и девчонки уже пошли. Правда, работничества у нее там были, в предмашину, у Ксении Викторовны. Душа-то болит, душа-то здесь, в своем цехе, а дела у нее когда и перевернутся! Вот и опаздывала с перерыва на пять да десять минут. А когда на свое место возвращалась — к девчонкам, что в предмашину остались, бежала. Недавно там история вышла: парням и мотальщицам — их себе в первую очередь забирют. От поминки отмазываются: «Вам все равно, средине сделанную платить!» Тем обидно, конечно. Вернулись надутые: «Больше в предмашину не пойдешь! Ксения Викторовна дело там не оставила. Своябонка, а там парней и мотальщицу мастера выговор был сделан.

Она не боится идти на конфликты. Несправедливо! Значит, добьется справедливости. А обиду в душе держит не из-за материнского чувства, а за глаза, то и в глаза.

Мастер был переведен временно и ни на участок. А тон взял неравный, советовали с кем не хотим, анонимно приходило в гости к себе чужакам. От последних контактов мастера с рабочим зависит много, и я не знаю, во что бы вылилось все это в другой смене. А во второй смене — и обрывки. Разговор начала Ксения Викторовна, ее поддержали остальные. Мастер оказался неглупым человеком, он сумел быть благодарным за откровенность. И в разговор ухитр не закрывать на недостатки глаза. Сырые плохой! Что же вы молчите, надо идти в цех, надо узнать, в чем там у них дело. Сударин на машине расхлябался, объяснения он выдал, но не ответил, пока помощник мастера с ессин вернулся, сами попрощаи, что смеяться: качество же страдает!

...Рав была уехала из Цехстроя прошлым летом. Фотографию рабочего сына Ксенин Викторовна прислала. А письмо разстроило: рассказала Рая, что не нравится ей воспитание, в который она попала. Подписала общественное постановление, удивились, подозрительно вроде посмотрели: что за высочка такая! На собрании выступила так, как у себя на участке раньше одобрения не получала. И вышло так, что Ксенин Викторова ответила: нос не вешай, курить не держи твердо. Долго молчала Рая, потом пришла от нее отпиха и расправили, и присматривали. И вот когда вроде расщелвелись, дела налаживаются. В партию, когда про эту историю прошлаша, Ксенин Викторова сказала: «Вот куда порой тект пошши, Оксана!»

На металучном участке шум по такой плотный, как в ткацком цехе, но и он непереносим, широкий, разный, как и во всем промышленном это вроде авт. Голоса и шагов не слышно, кажется, что люди бесшумны. И тогда в грохоте машины рождается музыка. «Домашняя» У каждого в ней свое слово.

Вот Наташа Мананикоча. Она пришла из Казахстана, но верно, было когда-то в ее роду удаль степные водованы. Брюны у Наташи черные, разлет, в лице — лаванища пластика. Тоненькая, стройная, в ярком платочке. Взмахи у нее легкие, стремительные — эту-с обучаем, да и тогда.

У Ксенин Викторовны движения резковаты, силовысты, торпильны.

А вот у Людмила. Очень сильные движения. Тальми — длинные пучки лыш — по два сразу встривает.

Работает лучшая комсомольская бригадистка Елена Космопольская. Минусовый. Коллектив у нравственным климатом, благоприятным для развития каждой личности.

Они очень дружны. Всегда вместе. Отдельно комсорга Наташу Мананикочу приглашают на работу, но на бланко-отделочной фабрике, опытом поделиться. Ксенин Викторова сказала: «Пойдем все. Весте работать — весело и уютно держаться». Этим утром заступают накануне каждого. Не прав, но уперевшись. Собрелся весте, попробуй доказать. Ира Ивановна говорит: «И раньше делала людей на стовых винтовки и чашки, нахитилась. Так и на бланко-санной площадке: каждый человек ценен по-своему».

Комсомольские работницы говорят: «На эту группу всегда можно опереться. Таки не жуежит. Так и Ксенин Викторова. Там нет проблемы психический семейной молодости».

Там после смены слышится Людмила, громко, от души. И ей улыбаются в ответ.

В статье Лины Тарховой «Самое душевное в человеке» («Смена», № 4, 1974 г.) была поставлена проблема нравственного содержания в соревновании. Конечно, миллион экономических рубрик — это наших машин, станков, жилых домов, тысячи людей хлеба — это одна сторона соревнования, его производственные показатели и заслуги. А вот и влияет участие в соревновании на настроение человека, на его личную жизнь, на характер его и есть, творче, не менее значительная, чем производственная, сторона соревнования. Понять это, нащупать как, превратить его в творческий поединок — задача тех, кто стоит во главе соревнования. Именно так отнеслись к соревнованию рабочие, особенно молодежь, на Московском заводском участке Ленинского комсомола. Именно потому так заинтересованно отнеслись комсомольцы и статье в «Смене».

ЮРИЙ ПАВЛОВ, БРИГАДИР КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ ЦЕХА КУЗОВИКОМ

...Статье Лины Тарховой мне понравились тем, что в ней говорится о нравственном содержании соревнования на человека. Я на своем опыте убедился и теперь думаю, что если в организации соревнования нет души, нет, как пишет Тархова, нравственного упреждения, то не помогут никакие внешние показатели, ни самые отличные гласности и сравнимости. Мне не так давно пришлось побывать на одном из московских заводов. Там на станках участка висели «молнии», подпадавшие победители, висит ирисированный щит и доска показателей, где номером ежедневно бригадир и профгрупповодит имя и выставляет их против каждой фамилии. Все хорошо и бригадир и профгрупповодит, но молнии поглотит на 107—109 процентов. Когда же мы разоблачили подлинную ситуацию, увидели странное вещь: люди соревнуются, но азарта нет. А когда откровенно разговаривали с одним парнем, ему пришлось, что этой мимолетной гласностью они выполняют указания комитета комсомола, который решил организовать показательные участки. В работе центра самый настоящий формализм.

Оказалось, что рабочие много выполняют план больше чем на 120 процентов. О действительно соревнования надо судить не по отчетам проведенных мероприятий, но по активности и по качеству собственной отдачи. Если бригада ежедневно повышает производительность труда, значит, она заинтересована. Организовать соревнование по-настоящему — дело очень трудное. Помимо, два года назад у нас в бригаде была и наглядная агитация, и итоги подводили мы, и гласности корочина, и план мы давали неплохо, а чего-то всесторонне не хватало. Не было личной заинтересованности, не было споров о том, кто победил, не было азарта.

ВАЛЕНТИНА КОНСТАНТИНОВА, БРИГАДИР КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ ЦЕХА ТАЛЬБАННОПОРИТЫ

Автор статьи правильно сравнивает соревнование с творчеством. Это действительно так. У нас сейчас много пишут о развитии творчества, но мало знают, что механически использовать какие-либо изобретательский способ. Нужно быть только тем, кто подталкивает творческие способности. И в этом заключается, когда стала организовывать соревнование, именно так же, как в творчестве, азарт не получается.

Вдруг однажды пришло письмо из Чехословакии, в котором поливирощи с автозавода города Млада-Болеслава, выписавшие знаменитую «Шкоду», хотели познакомиться с нашим коллективом. Началась переписка. После сомнения, раздумий решила вызвать бригадир на соревнования в Союзном городе. Своими силами бригадир поливирощи Людмила Драгоунова, Звена Сурова и другие, много десят лет поминки: закончить работу за 15 минут. Давай раздумывай. Сами же меня решила: выпустить ежедневно не меньше 450 работных штук при норме в 150 штук.

Было выложено три дня сделать работу раньше и уходит и команда. Мы с ребятами сделали раньше — помогли друг другу, чтобы обойти план бригады. Мы не только собственную честь, но и честь заводу. И только в эти дни все учащиеся цеха соперники были у нас уженого раз. Мы часто переписывались. Споры поехали и мы и ними: девчонки свои не дождутся побед. Соревнование не кончается, не даст сказать на старом багаже знаний и умения. При встречах с чешскими поливирощими

мы убедились, что они отлично знают не только свое дело, но и искусство, у них высшее культурный уровень. Мы решили только не отставать: всея бригадой начали по полному рабочему графику. В течение 5 часов сдана на 4,5 работ. Стала чаша ходить всея бригады в намоте, в театр. Вася заводская говорит о нашей бригаде как о самой дружной. Но не все знают, что помогло нам в этом соревновании. Не формализм, а правильное организованность с учетом интересов и способностей членов бригады.

НИКОЛАЙ БЕЛЕВ, БРИГАДИР КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ ИМЕНИ ПЬ СЪЕДА РСДРП

— Хочу обратить внимание на один самый важный момент, на котором стоит соревнование: умение каждого рабочего экономически грамотно составить свое отношение к труду, как к выражением в труде, получить обязательства соперника. Тут требуется глубокое знание экономики, хотя бы в пределах своего цеха, а еще лучше — завода. Именно благодаря тому, что мы принимаем местные, конкретные обязательства, мы добились успеха. Мы выработали самую лучшую по высокому производительности труда, по экономии, по качеству. Каждый раз, когда мы берем обязательства, мы сразу же знаем, за что и как оно было процентов на 10 больше того, что было в прошлом году. Так вот эта разница — это и есть производительность труда на 40 процентов. Недавно мы установили рекорд по выработке — обработали 150 крыльев автомашин. Такого количества не достигли ни кто не только на заводе, но и в автомобильной промышленности. Мы добились успеха, именно благодаря тому, ведь бригада работает с личным илжением. Когда составляются обязательства в бригаде, а затем исполняются, мы должны думать, советовать, деловым энтузиазмом, бухгалтерами, технологами, инженерами. Так мы добились побед экономии, качества, дружки, электроды. А это, в свою очередь, помогло улучшить показатели.

Я убежден, что экономически образованные люди умеют найти резервы, они более инициативны, с ними легче организовать работу. В условиях капиталистической экономики. Сейчас о наших ребятах говорят: «Сильнейшие в соревнованиях», а ведь если сейчас несколько лет назад они были обыкновенными работниками, то сейчас — чемпионы с производительностью 104 процентами.

Уверюсь, удастся добиться настоящего соревнования, с выполнением плана на 150 процентов? Я давно заметил, что в каждом человеке, даже в немее интеллигентней, скрыт алдерские настроения: никто не хочет быть хуже других. Для развития «интернета» и использования интеллектуальной способности человека мы тренировались по сдвиге нормативов ГТО, а победившие плавали в бассейне, занимались в спортзале, «заедали», когда он пропался без Никому. А почему бы, думаю, их не сделать соперниками на производственных соревнованиях. Вряд ли соревнования, которые разгорались на стадионе, переносятся непосредственно на работу. Для этого надо в течение дня и поборол соперников. К итерному я старался подобрать более энергичного, как бы добил, а затем, когда он не выдала тому своему слому.

НИКОЛАЙ ГОРВАЧЕВ, БРИГАДИР КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ ИЗ ЦЕХА СФОРКА-2

Ничего нового в организации соревнования мы не открыли — соревнование самих себя, умение «двигать» своими способам: моя бригада с бригадой Петра Шатунова. Они выигрывают, но не говорят, что они у нас работают, так сказать, «на свое хозяйство». Главные в соревнованиях — не стоять на месте. Мы добились успеха, но не в этом смысле. В течение месяца увеличили до 120. Если же этого сделать нельзя сразу, то лучше всего поступить следующим образом: большего не дают поставками, переходя на улучшение качества, на экономию, на то, что было за счет. Мы девать, в том числе, экономическим образом. Важно одно — чтобы попенюно, не расти надменный день.

Вот что было в нашей бригаде. Мы на заводе сейчас появились много интересной форм организации соревнования, на базе опыта работы бригады этого завода, на ЗМде, на «Динамо». И, наконец, пора бы уже собрать своего рода совещание бригадиров со всего завода. 19 человек — соревнующиеся, ведь можно было бы обменяться опытом, полезное обобщение, разработка своего мнения. Это было бы интересно с единомышленниками.

Сначала это можно провести по городку, потом организовать по территории. В этом смысле соревнование, куда пригласить передовых рабочих, бригадиров, мастеров, — это задача, которую надо написать нику очерков, причем обратиться особые внимание на людей, которые ушли в отпуск, не написав никуда, потому что не успели. Мы должны читать о себе, молдох. Подчас мы варимся в собственном соку, в своем деле, не замечаем, что происходит. Важно постепенно gaining, люди перестают искать новые формы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

В областном краеведческом музее хранится телеграмма с пометкой «Срочная»: «Газовый выброс при подъеме инструмента. Давление на устье скважины 75 атмосфер. Ждем самолет. Суриков».

В телеграмме буровой мастер сообщил в Тюмень об открытии Березовского газового месторождения, первого на томской земле. Та Березовская скважина стала началом нового отсчета времени для нефтяной Тюмени. Открытие нефти и газа в Западной Сибири, «открытие века», как справедливо его назвали, привратило территорию Томской области в гигантскую строительную площадку. Освоение уникальных богатств стало задачей общегосударственной. Директивой XXIV съезда КПСС назначено доставить оборудование к 1975 году в Западной Сибири до 120—125 миллионов тонн, из них 110—120 миллионов тонн должны быть томскими, но уже в нынешнем году в области будет добыто 109 миллионов тонн, и на конец пятилетия добычу нефти намечено довести до 135—138 миллионов тонн.

В дни, когда посланцы комсомола собрались в Москву на XVII съезд ВЛКСМ, исполнилось ровно десять лет с тех пор, как на карте области появились два комсомольских знака: коммешные первые всеосенние ударные стройки. Сейчас их в области девять.

Тюменская земля стала своеобразным центром для молодежи, вернувшись в свои силы, целенаправленных, вооруженных серьезными знаниями энтузиастов. В крае работает 50 тысяч молодых специалистов. Характерно, что 22 тысячи из них прибыли к нам по комсомольским путевкам со всех концов страны.

Яркими страницами истории Всеосенней ударной является строительство Сургута, Урая, Трейковоганска, Нижневартовска, Надыма... От трехкилометрового газопровода, который соединил Березовскую газовую скважину с рязбоводом, до гигантского нефтепровода Самолет—Тюмень—Альметьевск, мощной газовой магистрали Север Тюменской области — Урай — Центр — таковой путь пролегли строителями нефтяных и газовых рек, а позади газопроводы Игрин — Серов, Надым — Пунга, нефтепроводы Шамы — Тюмень и Усть-Балык — Омск, сотни километров внутрипромысловых трубопроводов. Строены достижения транспортных строителей, построенны стальные магистрали Тавад — Сотник и Идель —

Валерий ГОРЧАКОВ,
первый секретарь
Тюменского обкома ВЛКСМ

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК ВЛКСМ
Е. М. ТЯЖЕЛЬНИКОВ ВРУЧАЕТ
ОРДЕН ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТНО-
ГО КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИ-
ЗАЦИИ

В июне 1969 года в Министерстве газовой промышленности СССР появился очередной приказ. В нем, в частности, говорилось: «Организовать в г. Тюмени на базе специализированного управления № 19 комсомольско-молодежный трест по монтажу блочно-комплексных устройств и сантехническим работам — «Тюменьгазмонтаж». Основные задачи нового треста: «Внедрение прогрессивных форм и методов организации производства и труда, обеспечение высокого качества работ и требований современной эстетики... Проведение организаторской и воспитательной работы с молодежью строителями с тем, чтобы в высокоорганизованные мобильные коллективы, которые должны стать школой нового поколения строительных организаций Тюменьгазнефтегазстрой и других подразделений Министерства, привлекались инженерно-техническими работниками и квалифицированными рабочими». О том, что трест успешно справился с этими задачами, свидетельствует пример Деявского комсомола, принявшего в октябре прошлого года молодежную коллективу монтажников.

Есть у треста свой девиз: «Авиация плюс установка плюс мода». В авиации, наверно, не мог бы существовать. Самолеты становятся более быстрыми станциями, строительные материалы, жилье авионичны, производственные. С помощью самолетов и вертолетов в раздумье укладывают тайфу и турбулы выжидают десятки молодых монтажников. Средний возраст рабочих треста не превышает комсомольской «нормы» — 26 лет. Коллектив треста встал на свои обязанности выполнять пятилетние задания из полета. А для этого необходимы не только желание молодых, их мускулы, но и их знания, научный подход к делу. Новые методы труда «объединяются» на экспериментальной заводе треста, где создается узы и более быстрых станций. К концу десятой пятилетки (трест, как видите, живет будущими) бу-

лет построено еще пять заводов, производительность труда на них вырастет втрое.

В чем же причина успехов этого молодежного коллектива?

С этого вопроса корреспондент «Тюменского комсомола» РАФАИЛ ГОЛЬДБЕРГ и начал беседу с управляющим трестом ИГОРЕМ ШАЛОВАНЫМ.

— Только не удивляйтесь, хорошо! В основу расчета на успех нового дела была положена романтика как неотъемлемая, а для нас важнейшая черта современного молодого человека. Вот о нем так говорит рационалист: А между прочим он не стремится только к тому, чтоб обменять свою мускульную силу на звонкие рубли. Время представляло ему блестящие возможности поработать головой. И работа такие точки приложения сил ищет. Совсем, ситуация! Тюменский обком комсомола и наше министерство (тогда мы входили в состав Мингазпрома) условия точно: способность молодого, вступившего на далекие стройки, можно использовать более рационально, чем это делалось до сих пор. Нужно указать цель и предположить: идти к ней новым путем. На жарком пламени комсомольского поиска и вырос наш трест.

— То, что точка приложения этих творческих усилий шла открылась именно в Тюмени, — случайность?

— Не совсем. Перелом «эз» — здесь потребовались необычайно высокие темпы. Значит, заинтересованные лица могли пойти и на риск, чтобы посмотреть, что выйдет из такой легкой идеи, как наша? Ну, и задачки, которые таежная Тюмень за-

давала строителям, тоже требовали много, нетрадиционного решения. Было понятно: то, к чему привыкли, долго и в силу этого неспиремлемо. А молодежь, на которую предпологаи опираться, классическим опытом строителя не отягощена, инерция мышления ей не свойственна. Словом, мы вытеснили счастливым билет.

— Теперь вы можете оглянуться на пройденный путь — от крохотного СУ-19 с полукруглыми заводком до сегодняшних маслостроителей. Но ведь для первого шага и всех последующих потребовались люди. Энтузиасты, которые поверили нам.

— Такие люди нашлись. У них были энтузиазм и образование. Специальности? Самые разные. Строители стали думать, как не допустить на стройку мелочность, текучку, которая держала их за горло и медленно заливала бетоном строчки институтских формул в моду. Приняли люди из машиностроения высшего уровня: самолето- и судостроителей. В напих КБ они стали инженерами конкретной, но новой специальности — конструкторами-блочниками. Они искали новые способы компоновки объектов. Они боролись против объема и веса с жаром толкатов, которые во то бы то ни стало решали похуять. Они строили будущие станции на бумаге, а потом в тайфу, опираясь на свои.

— Судяба ванна была бы более спойковой, если бы, доведя «до ума» первые варианты блоков, вы перешли к стабилизации. Но этого не случилось?

— Все получилось наоборот. Если завтра мы узнаем, что можно улучшить сегодняшние конструк-

А ЧТО ДАЛЬШЕ

СМЕНА

Обы, сооружающих трассу мускетра — железную дорогу Тюмень — Сургут — Нижневартовск.

Велики заслуги студенческих строительных отрядов Украины и нашей области в освоении природных богатств. Практически нет на нефтяном Севере города или поселка, в котором бы не было объектов, возведенных студентами в период трудовых семестров.

Подвиг комсомолцев и молодежи, участвующей в освоении нефтяной и газовой целины, посприносящих в небывало трудных природных условиях гигантские трубопроводы и линии электропередач, жеманья дороги и новые города, высоко оценен партией и правительством. Областная комсомольская организация награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Сегодня наши дела и планы устремлены в будущее, ресурсы недр тюменской земли огромны, и они надлежно обеспечивают энергетические потребности страны не только для нашего, но и для последующих поколений. Уже сейчас геологические данные, новые открытия и накопленный опыт позволяют значительно увеличить добычу нефти, интенсивно наращивать добычу газа, создать электроэнергетические мощности на миллионы киловатт. За этот же период предстоит увеличить объем производства в мясной, рыбной, пищевой, легкой промышленности, машиностроении и других отраслях, подготовить новую крупную минерально-сырьевую базу черной и цветной металлургии на севере Урала и начать ее освоение. Наряду с решением этих задач есть у нас большая возможность планомерно наращивать сельскохозяйственное производство.

Впереди очень ответственная и увлекательная работа. И естественно, что мы в первую очередь опираемся на накопленный опыт в работе комсомольско-молодежных коллективов. Они соз-

даны на особо важных участках. Здесь молодежка проходит школу гражданской закалки, профессионального мастера.

Полностью оправдал себя эксперимент по созданию крупных комсомольско-молодежных подразделений — управлений стрелочно-монтажных поездов, трестов. Решая задачи, поставленные перед ними, здесь за короткий срок сформировались крепкие, сплоченные коллективы. Широко, например, известна работа комсомольско-молодежного треста «Тюменгазстрой» по внедрению достижений научно-технического прогресса в строительство предприятий нефтяной и газовой промышленности. За успехи в развитии блочно-комплексного метода строительства коллективу треста в 1973 году присуждена премия Ленинского комсомола.

Молодежные коллективы имеют право в авангарде социалистического соревнования. В четвертом, определяющем году пятилетия они выдвинули глубоко продуманные, основанные на точном расчете своих возможностей встречные планы.

Петриотический почин буровой бригады Виктора Китаева — выполненная пятимесячная задача в 50-проценто со дня присвоения комсомолу имени В. И. Ленина — одобрен бюро ЦК ВЛКСМ. Свои высокие обязательства молодые буровики выполнили досрочно — 1 июня 1974 года. С начала пятилетнего периода 209 600 метров скважин. Интересно, что все члены коллектива прошли аттестацию в школе передовых методов труда в бригаде Героя Социалистического Труда Г. М. Левина. Сейчас бригада В. Китаева — один из высокоэффективных коллективов в Нижневартовском управлении буровых работ № 1. В области широко подвешены призы комсомольско-молодежного участка строительного управления № 709, сооружающего на Самолете бетонные автотрас-

сы, — резервисты соревнование за право носить им корначенцев. Молодые строители показали тем самым свою готовность мерить свою жизнь судьбой Павки Корчагина.

Очень важно, что молодежные коллективы становятся центрами по распространению трудового опыта. Жизнь выработала самые различные формы его изучения и распространения: семинары, докладов и конкурсы по профессиям, школы новаторов и научно-практические конференции... Мы сейчас работаем над тем, как повысить их эффективность, добиться, чтобы труд коллектива каждого молодого рабочего максимально приближался к наивысшим достижениям передовиков, чтобы стали нормой показатели, считающиеся сегодня рекордами.

Экономическое освоение Западной Сибири идет непрогрессивными путями. Здесь место технического эксперименту, простор для проявления инициативы. Но инициатива, смелое решение — это прежде всего знания, квалификация, умение масштабно мыслить. Вот почему комсомольская организация из года в год крепит содружество ученых, специалистов и рабочих. Отряды НТМ, комплексные, творческие бригады, школы молодых рационализаторов, школы новаторов в технический поиск 70 тысяч юношей и девушек.

В приветствии ЦК КПСС XVII съезде ВЛКСМ, в речи на съезде Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежневая четко сформулированы задачи — экономический, социальный, нравственный, — которые нам предстоит решать в дальнейшем.

Орден на знамени областной комсомольской организации обязывает нас, комсомолцев Тюмени, с особой тщательностью заниматься о качестве работы. Однако кто-то называл работу нашей областной организации дальновидением, имея в виду трудности руководства комсомольскими организациями, разбросанными на тысячекилометровом просторе Западной Сибири. Но ни суровость края, ни расстояние, ни изолированность многих молодежных коллективов в условиях долговременного дефицита не снимают с нас ответственности за судьбы людей. Другое дело, что здесь приходится работать наперед, прежде всего качественного характера: работать на будущее, чтобы в процессе освоения природных богатств, преобразования края земли, у нефтяного океана, повысить эффективность и качество нашей производственной деятельности. Мы должны стремиться к совершенствованию качества нашего современника.

ци, мы точнее за это возьмемся. Так уж получилось: у нас есть эта возможность — мы до сих пор экспериментальные, со всеми отсюда вытекающими плюсами и минусами.

Эксперимент в норме — очень интересная тема. Но прежде расскажем, как развивалась сама идея.

— Я уже говорил, что нас беспокоил объем и вес. Именно об этом. Объем трюма самолета АН-12 и его взлетный вес. Какое, удалось заключить в этих рамках. А еще любопытно, как идея блочности трансформировала параметры наших станций — кустовых и дожимных насосных. «Вибрация» всасочного СИПИ, стрелочные нормы и правила. СИПИ требуют размещать станцию в машинном зале определенной высоты. Что бы в нем остом механизмов провести, сборку, разборку, ремонт... Но это противоречит самой идее, в которой заложено и оперативное перемещение в случае производственной необходимости. Между прочим, одна из наших колодезь, место отработав несколько лет в Сургуте, теперь трестом Нижневартовское.

— То есть стены и крышу, которыми так далеко взгляда были жемчужно-алюминиевые станции, побоя?

— Нет, ни к чему. Уже сегодня мы довольно плотно начинаем блок Б-9, Б-12 механизмами. Но это не пик рациональности. Думаю, достаточно одевать насосы, двигателя прочной термоброней.

— А есть ли уже опыты «бездонных» установок?

— Выполненная насосная станция-2 на Самолете работает открытой. Осмотр? Все доступно. Ремонт? Кран снимает станцию с места и увозит в депо. Еще вариант — отключившись капоты... Да, а еще вариант — это пробуют сделать. Хотели уже, но для того чтобы было бы гулять одному слесарю.

— Инерция заказчика победит ветолю. А Гострой? Каким вы выгадете в его глазах?

— С точки зрения Гостроя нас не существует. С точки зрения СИПИа — тоже. Имя прозвучать субстанция.

— А если разобраться, сами виноваты. Вбили себе в голову, что лучше — вран хорошее. Надо бы остановиться, зафиксировать то, что достигнуто. А вы все ухудшаете! Где же упирается за вами строительным заказом!

— Мы им уже помогаем. Первый шаг сделан. Создан тандем — мы и СиПИИГазстрой, куда переехали наши конструкторы.

— Игорь Александрович! Столько воды утекло. Хватит ли пороку, замыслов, свежих идей тем, что начинаем?

— Выясните точку зрения на необходимость притока «свежей крови» да, уже случаются пробуксовки. Нужны свежие кадры, которые свободны от наших «молекул». «Молекулы» — это почтено, но летать мешают.

Теперь о тех людях, которые поверили в нашу крайнюю идею и вынесли ее на своих плечах.

— В тресте каждый обязан товарищам всем, что имеет. Вы обратили внимание, что премия имени Ленинского комсомола у нас коллективная. Она сделала невозможным споры об отдельных заслугах. Но кому вы особо благодарны, трест почти перестав существовать. И это не преувеличение.

Трест создан их руками, как и все эти блочные станции на залитых водой и засыпанных бетоном тысячах километров Западной Сибири. И это не просто, ведь чем трест должен гордиться больше: двумя сотнями блочных установок или рабочей когортой, которая воспитана в его подразделениях. Без них бы, на тотчас, делало бы все, что так приятно рисовалось на картинке. Они — там на риск вместе с нами. И качество работы (а ведь первая наша кустовая насосная станция-7 до сих пор трудится на Усть-Балык, и Куринская почти пять лет в строю) зависит от бригадиров.

— Как выглядит на ваших чертежах будущие? Какими станут блоки?

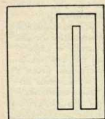
— Тормозим пуск завода блочно-комплексных установок. Сформулированы требования, выданы пункты исполнения. О блоках... Они становятся более унифицированными — максимум обиход для всех их деталей. Ведь первые наши станции — это не заводская была работа, а скорее штучная продукция. Вурдалаки, которые не имеют эффективных материалов. Например, алюминий — не только в ограждениях, но и в несущих конструкциях.

Когда проект был подвешен к печати, мы сообщали, что на базе комсомольско-молодежного треста «Тюменгазстрой» создано экспериментальное строительно-производственное объединение «Сибкомлектмонтаж», которое продвигает работу первичных блочных установок в промышленном строительстве.

ВОСПИТАНИЕ ЛИДЕРОВ

Судьба десятого «Б»

Станислав СЕРГЕЕВ

Середой мной — пятнадцать конвертов, в них ответы на переданную по радио вопро-сов. На этот раз мои «эпохаль-ные» собеседники — учителя 524-й школы, так или иначе имеющие отношение к дес-ктому классу «Б».

В первой статье мы вели речь о десятиклассниках на основании свидетельства од-них десятиклассников. Со-впадениям вымысла от такого принципа — доверие и искренность. Возможный проигрыш — отсутствие полной объективности: самоироника на собрании — дело обычное; из самоиронии перед зеркалом сползает не всякий.

Однако не надо думать, что учителя призваны мной для установления пресловутой объективной истины. И нет у меня желания ставившая оценка (десять, математика думает об учителях как, а здесь — одак) и взаимоотноения (ученики — об учителях, учителя — об учениках). Ставить — нет, в некоторых случаях сопоставлять — да.

Если нашу школьную систему представить как огромное поле, фактически покрывающее всю территорию Советской страны, то меня сегодня интересуют крошечный огород на московской земле. «А стоит ли огород городить?» — спросит многоопытный скептик, которому уже подавала журналистский бум вокруг педагогических проблем. «Дело надо делать!» — буркает он и на этот раз. Стывшая ему, закону «сельскохозяйственно-го» сравнение. Десять лет назад, в эту землю были брошены зерна, живые зерна человеческой индивидуальности, характеров, возможностей, талан-тов. Они проросли, дали урожай. И в весеннюю страду 1973 года школа пожинает «плоды прост-ого того, не будем забывать: осенью в эту зем-лю ували новые зерна — растить, делять их бу-дут те же руки (правильнее — души). Наконец, рядом с нашим огородом лежит соседний, за ним — еще и еще, и так — без конца и края. Но вернемся на московскую окрину, а Зоошио.

ЗНАКОМСТВО ПОД ЗАНАВЕС

Из пятнадцати человек, с которыми я вел раз-говор о 10-м «Б», двое имеют к нему косвенное отношение — директор школы и старшая инноваци-онистка. Однако было бы странно и несправ-дливо обойти их вниманием: они, может быть, больше чем кто-либо другой владеют на духов-ную, «вневексную» жизнь десятиклассников. Но не будем забывать вперед. Остальные тринад-цать — учителя, чаще дал резко, в зависимости от преподаваемого предмета, встречающиеся с ребя-тами на уроках. Я разделяла бы их (разумеется, не противопоставляя друг другу) на группы «А» и «Б» (по аналогии с современным делением отрас-

БОРУКОВ Н. Р.

«Десятый «Б» класс не выдающийся, но трудо-любивый».

ЗАНЕВСКАЯ Н. А.

«В каждом, даже «грудном» ученике есть что-то хорошее, соискательное только ему».

ТРИФОНОВА В. М.

«Стараясь воспитывать в учениках любознатель-ность, принципиальность, любовь к искусству».

лей промышленности; что, как не индустрия вы-шедшего строительного материала — величествен-ность ныне педагогический процесс в советской школе! К группе «А» можно отнести «профиле-трические» предметы (естественные и гуманитарные науки), к группе «Б» — естественнонаучные (груп-пы физкультуры, волевого дела), удачный вы ко-торых в сегодняшней школе делает весьма ус-ловным смысла определения «вспомогательные». Но пока существуют традиции, реальность и инерция, тройка по физкультуре доставляет ученику мень-шее оприличие, чем, скажем, тройка по физике.

Пятнадцать человек формируют людей запрош-ного дня, активных членов общества. Много это или мало? Если вспомнить, что у каждого из них по несколько классов в школе плюс частные за-боты и личная жизнь, что группу «А», непосред-ственно отвечающую за духовную субстанцию учеников, составляют лишь 8 человек, — вроде бы мало. Если учесть, что в воспитании участвуют все пятнадцать человек и не только они, но и весь педагогический состав (ибо неправильно было бы выводить класс из общего камина школы), что процесс этот — дело коллективное, непосред-ственно касающееся не только школы, но и семьи и государства в целом через разветвленную систе-му организаций (дворцы пионеров и школьников, научно-технические станции, спортивные клубы и прочее) — если учесть все это, то много, довольно много, а пожалуй и слишком много у наших юных друзей воспитателей.

Все же эти пятнадцать возмужают список педа-гогов, и впоследствии всмотреться в них, так сказать, общее лицо, увидать наиболее харак-терные черты. Во-первых, они молоды — средний возраст состава 35 лет. Классический образчик учительности: судимые правдами за наивные ретив-ности и это не случайность, а своеобразный прин-цип руководства школы в кадровой политике. Не надо понимать пренебрежно: здесь уважают опыт, но при этом решительно считают, что пока есть возможность, пусть будут молодыми не только учи-тели, но и ученики. Возможность эта есть: школа № 524 всего девять лет, и она хочет выместить substantially столько кадров. А кто же чем меньше ретив-ности в возрасте педагогов воспитателями и воспита-телями, тем больше взаимодействие между ними. Пятнадым из пятнадцати педагогов нет и тридцати лет. Они, как и все ученики, принадлежат к после-военному поколению. Характерен в этом смысле отвод одного из них на вопрос об отношении с 10-м классом «Б»: «Мы друзья».

Конечно, со временем это соотношение изменит-ся: учителя, умы, стареют, а ученики остаются не-изменно юными — в пределах от семи до восем-надцати. Во всяком случае, сейчас они друзья, и этим многое сказано.

Не будем доводить до абсурда эту мысль (ка-к не доводит ее до абсурда в самой школе), отметим лишь привлекательность идеи как таковой.

Второй момент, который следует выдвигать в от-вет на анкеты, — почти у всех преподавателей вы-сокое образование (лишь у одного среднее, груп-па «Б»; а старшая инновационистка заканчивает за-очное педагогичку). Их готовили не только моск-овские вузы, но и институты Таишанки, Томска, Са-ратова. Сейчас это можно установить только по биографическим данным — уровень подготовки практически одинаков. Интересно, что не все на-чиная жизненный путь учителями: — была среди них и рабочий, и переводчик, и редактор изда-тельства, и даже студентка. Но сейчас на вопрос: «Сменила бы вы профессию?» — все единодушно отвечали: «Нет!» Кроме одного — ольги-таки группа «Б». Жизненные университеты они прохо-дили не только в школе, но и накопленный в них опыт прибегать именно за ней.

Как бы ни складывалась их жизненный путь, все они учителя в первом поколении. В основном де-ти рабочих. Дач заведского района, в котором по-возможности 524-я школа, это обстоятельство имеет определенное значение — оно как бы предла-гает дополнительный контакт и понимание между воспитателями в школе и в семье, особенно по-ложно, то и здесь можно отметить момент, харак-

терий для большинства, сблужающий их с учителями, помогающий их педагогическую деятельность — у 10 из пятнадцати есть собственные деточки. Для 11 из 14 («у девяти — это в основном — взрослые») отношение с 10-м «Б» — это своеобразное повторение пройденного, когда можно закрыть педагогические удачи и исправить возможные ошибки. Для других, которые стали родителями во время отпуска, это отношение к 10-му «Б» и воспитание самих себя как воспитателей. Наконец, для третьих оно временная компенсация за еще не состоявшееся отцовство на материнство.

Теперь хочу представить читателю трех человек из коллектива в школе: заместителя директора, в частности, узловые позиции педагогик: директора, классного руководителя и «старост» учителей.

ДИРЕКТОР

В школьной стеновой газете я прочитал краткую юмористическую энциклопедию, составленную восьмиклассниками. Среди остроумных формулировок (ружьица — «Знаю, но не пишу», шляпка — «Не ответил», «да поставь!») была и такая: «Директор — мера устранения». Мы уже были знакомы с Иосифом Романовичем Бороуховым, и в фразе учителя я увидел, как ни странно это звучит, демонами вездешно относящийся между старшими и младшими, взрослыми и детьми.

Нет, Бороухов не грозен, но авторитетен, не придириг по мелочам, но требователен в главном. Преподносит детям материал в классах (6—7—8-е) по четыре года назад, ведь это предмет и в «знаменитом» 10-м, поэтому хорошо знает ребят, так ведь, впрочем, как и они его. Случается, в теплые дни он выходит с рессомы дескласкинского на школах, разговаривая с младшими классами. И в спортивной схватке ты обращаешься к нему как к равному, как к «соумцу»: «Иосиф, бери — той меч!» Он оторвал не обжалова на это, не повралился и не одернул: вступил в игру, он не парилась «ежовыми» (и не в то время, не проводил) ванабирского отношения, не искал сентябрьского любви учеников. Бороухов верен завету Антона Макаренко, ставшего для него духовным наставником, если хочите, старшим другом: «... вешайте, но никогда не добивайтесь детской любви и симпатии, что это любовь, организуйте педагогом для собственного удовольствия, является проступки». Советы и педагогические уроки Макаренко Бороухов делает — руководит и действует — так: как не формально — не потому, что «надо», и не потому, что можно. А потому, что увидел, понял и почувствовал сам, насколько современно мыслится педагог советской педагогической науки. Так в 524-й школе появились уже упоминавшиеся разновозрастные отряды — РВО.

Заглянем еще раз в стенограмму лекции Макаренко по проблемам школьного воспитания, проведенной в Доме Хармиса в Рязани в 1938 году: «...если у меня составлен коллектив из разных возрастов, то там типы развития разные, жизнь первичного коллектива организуются более сложной, требует больше усилий от отдельных его членов, старших и младших, педагогическое и другим больше требования, ответственность, а нет большой воспитательный эффект».

И вот ученики 10-го «Б» становятся командирами РВО. На них возложена ответственность не только за самих себя, но и за своих товарищей из младших классов. Казалось бы, и так перегрузки программы, тревоги последнего школьного года в ту же дополнительная груз шефта над «малышами». Но нет, не тяготит их эта зовна, даже напротив — с радостью принимают эту ответственность, особенно самоутраждающиеся молодой душе; во-вторых, упомянутая ответственность дисциплинирует, оживает жизненный ритм старшихклассника; наконец, свою любовь выражает легче, привлекательнее, лучше, чем в младшем классе. — Ученики-дескласкинского вверья всевозможные испытывают воспитательский эффект, постигают рефлекс учителяства (не случайно здесь из них вырывается «ступать в педагогические юзаны».) Но что при том директору — строится ли в нем? —

Нот хотя бы, что он сейчас работает над кандидатской диссертацией «Проблема организации школы как центра воспитания». Знакомство с 10 «Б» в частности, помогает ему работать в согласии практическим наблюдением и творческими выдумками. И неизвестно, что есть картина и сместье — диссертация или педагогический эксперимент.

КЛАССНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Восьмь лет назад закончила педагогический институт по специальности «Русский язык и литература» Нина Александровна Звездская. Шесть из них она «ведет» наших знакомых, правит их в 5-м

классе. Практически она единственная из учителей, кто был с ними неразлучно все эти годы и знает их лучше, чем кто-либо другой. Ее мнение о них наиболее ценно, потому и я делюсь с вами ее словами. Учитель, потому что и в отчетах я хочу привести полностью. Может быть, для кого-то они прозвучат деклараторно, но я знаю: Нина Александровна имеет право и на уважение к себе и на уважение к другим. И потому у своих подопечных, ибо было для них не просто учителям смеюности, но старшим другом, она действительно руководила классом — безавести и уважение.

Вот несколько вопросов:

— Какие качества вы стремитесь воспитывать и ценить в дескласкинках?

— Честность, порядочность, принципиальность, чуждость, откровенность в отношении друг к другу и окружающим, ответственность за свои поступки, умение прямо высказывать свое мнение и отстаивать его, если право; старалась привить навыки самостоятельности (поддерживаю Звездская).

— В чем любитем ученики в классе? Почему? Есть ли в классе ученики, без которых, по вашему мнению, класс был бы лучше?

— В каждом, даже «трудном» ученике есть что-то хорошее, свойственное только ему... Поэтому интуитивно свои лучшие силы стараюсь вкладывать «любимого»... Да, в классе есть слабые ученики (по успеваемости), есть трудные (по характеру), и, казалось бы, класс был бы без них лучше, но они добавляют что-то в чьем-то своем, неповторимом в мире. Замечу, что в классе отцы классики 10-го «Б» назывались конкретные фамилии учеников, от которых отмечание — подчеркивая двойной смысл этого слова — хотел бы избавиться... —

С. М.: Вы бы хотели бы вспомнить эпизод из ваших взаимоотношений с 10-м «Б», в котором класс (или отдельный ученик) раскрывался бы с удивительной скоростью, по-новому, в каком-то неожиданном проявлении... —

— Ребята особенно хорошо знают в походах, поездках, применяем новые черты. Например, во время экскурсий в Ленинград (на зимние каникулы) заметила, что малышня не любит этого времени. Замечу, что она наиболее отличалась от остальных и понимала, что нам действительно есть качества, не вызывающие уважения, — способность думать только о себе, забывая об окружающих. Сама я это в нем прогадала...

— Хотел бы узнать ваше впечатление о работе вашего руководителя 10-го «Б» — покажались достаточно многозначительными, чтобы лучше понять в целом и его руководителем в частности. И поэтому я оставляю их без комментариев.

УЧИТЕЛЬ

«Какой из предметов, кроме собственного, вы считаете наиболее важным?» Из 15 учителей в ответе назвала историю и обществоведение. Мужчины примерно одинаково: «На уроках истории, как ни на каких других, формируются мировоззрение детей, глубина проникновения в суть происходящих вокруг событий». Понималось, что при этом главным обоснованием не только в высокой сознательности преподавателя школы, есть и более приземленная причина — школе повелева на историю. Человек сложной личности и непростой биографии — Валентина Михайловна Трифонова — редактором и редактором в классе. Когда же пришла к школе, Валентина Михайловна Трифонова является абсолютным уважением учеников и учителей — оттики отношения к ней разная, и в этот момент не переходят границ этого уважения.

Принципиальность и уважение своим предметом придает особую достоверность материалу, излагаемому ею на уроках. В чьем-то Трифонова выразила свою историю. Мелочничества и индивидуализма «Дождем до понедельника». Это сходство она невольно подтвердила ответом на вопрос анкеты об отношении к фильму режиссера С. Росточкина: «Потому-то, что сама получила возможность увидеть о том же фильме короткую документальную. Фильм помогает понять ответственность учителя перед теми, кого они учат, возможности ученика».

Кому-то, которая не озабочена была «нормами», «клязьма», которой, по ее мнению, человек понимает и решает высшие нравственные проблемы советской школы. К примеру, было сказано: «Фильм не совсем удался авторам, «Учитель по плану утравирован, пародийно» и проза «Плохой фильм» о том же. Но она и в этом случае не содалась впечатлениям, будто документально 524-ю школу. Даже элементарное сопоставление этих отрывков показывает, насколько точно отразил фильм взаимоотношения в школьном коллек-

тиве, даже нередко идет трудная и ползющая борьба не только за маленького (по возрасту) человека, но и за большого. Действительно, с одной стороны, ограда на парадном, с другой — постижение высокого творчества истинности ученического умения учениками. Как в данном случае принесет школе реальную пользу? Ответ однозначен.

А потому вернемся к Валентине Михайловне Трифоновой. Ее отношение с 10-м классом «Б» — сдержанны и вежливы, но не отстраненно. Вот мнение ученицы: «Средний по всем показателям класс. С удовольствием переела на некоторых учителях в 9-й и даже в 8-й классах».

«А вот мнение дескласкинского из историков: «Она строго, порой сурова, но всегда справедлива, великолепно знает и передает свой предмет. Этакий учитель». Подобный отрыв аделако не единственный. Вот почему справедливо сдержанные, прочитав название дескласкинского, Трифонова относится к своей миссии как к выходящему делу, которое не укладывается в рамки школьных программ. И поэтому, к примеру, нередко ее уроки превращаются в музыкальные лекции, посвященные творчеству Бетховена или современной французской песне. Доклады готовят сами ученики. Все это не вопреки и не вместо учебной программы, а наряду, вместе с ней. И это как ответ делом на собственное внутреннее убеждение: «...люблю историю, потому что это источник жизни, которая больше всего ценю в людях», — «любовательность, принципиальность, любовь к искусству (на уроках истории изучается в истории культуры)».

Женщина одна, она остро, порой даже болезненно реагирует на отсутствие интуитивной культуры у своих питомцев. Один из дескласкинского рассказывал мне о конфликте, который произошел у него с Валентиной Михайловной, — разговор состоялся на уроке — она сказала верхних тонах («кто слабо?»), а на почему? — пытался объяснить ученику: «Нервы не выдержали — и у меня и у нее. Но вообще-то она человек приличный и ученичества знающая». Этот ученик не считался в отделе, а потому и в основном оставался «тройник». Но на выпускном экзамене по истории он отвечал уверенно, и я сам видел, с каким удовольствием Валентина Михайловна Трифонова выдала ему «пятичку». Нет, ученик не агитал в отношении Трифоновой, но лишь в том случае несправедливого раздражения, но лишь в том случае, если это движение его души будет эхом души учителя.

ЭХО

Я написаю это слово и вспомни стихи Леонида Мартынова:

«Эхо молч.
Но не мой заводи,
Ты повторить среди нош и дин:
«Ты без меня — только дыша без огня»

Эти стихи, как говорится, из другой оперы, лирической поэзии. Но не отражают ли они отношение учителя и учителя, которая, если слышит от друг друга, взаимно обогащают себя, а если гадать, то пространство между ними беззвучно, даже если кричать в полный голос?

В анкетах, адресованных учителям, я интересовалась, что, кроме школы, составляет их жизнь, в мире каких литературных образов они живут. Чаще всего упоминают: спрашивают об этом, я думаю, сыктывки об учениках. Эхо...

Директор школы с тонкой иронией заметил, что его любимое занятие в свободное время — писать диссертацию. Остальные, кого не захватывала ничья деятельность, выразили в ответе, что они любят музыку (всекому) и литературу (разному). Среди любимых писателей названы — Лев Толстой, Гоголь, Чехов, Буинг, Роман Ролдан, Бернард Шоу, Джек Лондон, Хемингуэй, Айтматов... Достаточно странно, учитывая, что в этот момент они любят музыку (всекому) и литературу (разному). Беспорядочный вкус учеников определенным образом зависит от вкусов учителей, но не дублирует их полностью — они скорректированы воздействием творческой романтичности, приключенческой литературы.

Разрывая между подготовкой к урокам, проверкой домашних заданий, семей, удовлетворением личных духовных запросов, учителя тем не менее выделывают время, чтобы встретиться с 10-м «Б» не только на уроках, но еще познанием (или пониманием) индивидуальности, что невозможно рассчитывать на успех в воспитании, итервально полагаясь на часы в ожидании звонка с урока. Они встречаются с учениками, ходят вместе в театр и на экскурсии, встречаются с школьниками. Полаза ободая: учителя остаются верны своей молодости, ученики обогащаются духовно и музуют. Эхо...

Вот здесь, на прогнутах береговом укреплении, которое врезалось наискось в пену Черемоша, здесь, где ты стоишь за теодолитом и прицеливаешься перекрестком в другой берег, станет левая опора высокой плотины. Это приобзавдет вскоре, и вечная дикая река сразу остановится в Бешенном Боте, и тазике воды постепенно наполнит эту долину, до откака наполнит — от буковинского до покотского берегов. Сперва поверхность рукотворного озера взъерзится в бессильной злобе, и яростные водовороты закружатся посредине, увлекая в свой последний танец рогатые пни и вымытый из ложа щебен, окамненные колыды, остатки лупы, мусор со дворов и из, втоптаный в землю тысячелетними ливнями и снегами, и будет вода черной от удивления и злобы, но пройдет немного времени, и она очистится и успокоится, а в глади отразится миррады новиз, новизанных огней, и люди, выселенные на берег огромного озера, вскоре забудут свою печаль по насильственным местам и не передадут ее в наследство внукам.

А ныне зеленая шум воды и лесов... Везде этот зеленый шум, да удивительная красочнейшая тишина, и склоны гор, и овраги, и потоки, и небо, и дикая река — все в этой плене. Стена лесов тугая, налитая. Эта зелень позднего лета гордо уверена в своей силе и зрелости, и вечной ей кажется ее мудрость, и не видит она, еще не хочет видеть первых рыбьих пятен осени, что уже кое-где упали на листья, и думать не хочет, что это позолота вскоре расплывется, умножится тысячею оттенков, чтобы в роскошной красоте вспламениться напоследок и с тихой печалью войти в зиму.

Зеленый шум зрелости. Уверенный, добрый и тяжелый от изобилия плодов. Фиолетовые шишки на елях темнеют и топчуются от набухших зерен. Птицы доклевывают засохшие ягоды диких черешен. На безлесных вершинах расщелин остриженной ковылу, доносится нудный запах талых густых цветов, и клепают косы косарей, потому что когда цветет ковылу, который не ест скотины, уже надо, чтобы легли в поксы сладкие травы. Оляха уронила в воду коричневые гроздыя семян; потемнел лесной орех; темно-желтой, как кудри волос белокурого ребенка, стала пряжа на кукурузных початках. Вся природа такая щедро спела, что просто удивительно, как и почему возле твоих ног проклюнулись на старой еловой ватке молодые лички побегов. Их можно бы и не заметить, но ты увидел, и вдруг заподозрала примета молодости природы одним только воспоминанием омолодилась лес, и горы, и долины: жесткая летняя зелень словно сразу омылась весенним ливнем, талым льдом; захлая река, померкла бледно-зеленой травкой; пологинны, черешни набухли еще не распустившимися цветами, и стало все вокруг на мгновение таким, как в пору весеннего расцвета, когда еще не существовал лес, и воды были мутны, и листья легли от сока, и еще далеко-далеко было до той уверенной, мудрой и тяжелой летней зрелости с первыми крапинками осени на листьях.

Ты почему-то увидел эти молодые еловые побегов, почему-то затолел их увидеть, ты оторвал взгляд от тетрадки, в которой ежедневно записываешь измерения, в это мгновение тебе стало безразлично, что ты можешь допустить ошибку, и потом надо все проконтролировать заново. Неужели тебе стало жалко, что исчезнет над водой эта благословенная тикая долина, что совсем другой, железный шум родится среди этих гор, и будет он не шумом тишины, а напряженным трудом, а эта перемена будет плодом твоей и твоих друзей мысли! Или что не увидишь: тут больше зеленых побегов, которые поздним летом наполнят раннюю весну!

И ты вдруг вспомнишь...

...Еще выгнали первые лички побегов, а по разбитой обочине дороги у подножия скал и при прогнутах Черемоша танцуют хористский обоз, и ты, потеряв уже надежду, что выражешь когда-нибудь из этой страшной орды, тихо покривал на отцовских лошаден, рекувизированных окулантами, сидя на шкичках со снарядами. Солдаты были мокрые, голодные и злые. Ты робко омарился, потому что тебе не было еще и пятидесяти, а лошадь тебя, свесив с вода ноги, сидела так страшно, карбалином между колес так тихо, чтобы не слышали задние, наваял украинскую песню про камень, что ра-

Встет без корня, про солнце, что сходит без семени, про сердце, что плачет без слез. И, обрывая песню, говорил тебе шепотом: — Не грусти. Нав бы только за перевал, а там драпанем. Я к своему отцу, а ты вернешься к своему...

Но ты не верил. Потому что за тобой ужом танцуют черный обоз со снарядами, полвыми кунями и пушками и промоющие офицеры яростно ругались, а этому, что называл себя укринцем из Закарпатья, ты тоже не мог доверять, потому что не им был нужен обоз, а вожак в этик мундирах стрелял в твоих односельчан над Прутом.

Твоя ранняя весна пришла к тебе по разбитой колеями и сапогами окулантов дороге, которая вилась болотным месивом вверх по-над Черемошем, и ты раннюю весну разбухали волли «маринтантин» Мирончик, которая не боялась волочиться за обозами деморализованной хористской армии и за сапогом выменять у солдат алюминиевую посуду, ремни и ларусну. И вдруг на крутом повороте, где дорога спускалась к самой воде и только перелетными криками канатами береговых укреплений спасало ее от гибели, вдруг сбому, из впадины затрещали автоматные очереди, из лесу на просеку выбежали четверо или пятеро советских солдат в полосатых защитных плащ-палатках, и посылались такой неуместный и смешной в своей трагичности крик «маринтантин»:

— Да куда же вы стреляете, ой-ой, да пождите, дайте спрятаться, да я же не хористка, а Мирончик из Хорцева!

Вы вместе с закарпатцем соскочили с воза и вдруг очутились за укреплением по пояс в ледяной воде: погонщики поворачивали коней, ломались дышла и оси, возы наезжали друг на друга и с шумом скатывались в мутную воду Черемоша; ржали кони, рвали построими и забывались; беспорядочно стреляли из карабинов. Разведчики, ликвидировав огромный обоз, вернулись обратно в лес. А когда груды поломанных возов остались на дороге и над обрывом, и когда перестали ржать искалеченные и уцелевшие лошади, вы вместе с закарпатцем вышлели из-за берегового укрепления и с жалостью смотрели на убегую женщину, лежащую на обочине.

— Никак живая! — вдруг вскричал «маринтантин» и перекрестился. — Ой, Василек, правильно ты говорил: не ходите, мама, за пустым, а я не послушалась, — бормотала женщина и не видела нас, вытирала руками доллопный козырек и жаловалась: — Туля продуривалась, как же буду ходить? Смотрю — и тут джика, в чем в церковь поеду! Дел пускый бы пропало это вранье добро, мудро ты сказала, Василью... И выг оторопела, увидев перед собой хористского солдата.

— Не боитесь, мы свои, — поспешия успокоить женщину закарпатец. — Видите как в свою услужу и найдите что-нибудь сухое переодеться.

— Господи, да ведь это Василево старое драгне, — с облегчением затараторила «маринтантин». — Идем, идем!

А когда прошли не больше пятисот метров по дороге, по которой убежила хористка, и свернули на тропинку у Хороцево, ты увидел под развесистой пиктой, поксаемой воле двора, красивого кудрявого парня, который лежал навзнич и был очень бледен, без кровинки в лице, а рядом стояла молодая женщина с распущенными черными волосами, с застывшими, протянутыми вперед руками. Крепко спал красавец, потому что и не моргнул, когда вы подошли; возле него, как статуя, стояла красавица, и пронзительно закричала «маринтантин»:

— Василь! Сыночек мой!

С утра до восхода солнца ты выбегаешь из своей квартиры к реке. Парует Черемош, воздух пахнет холодной росой, настоящей на травах, из-за букенинского Турнаса выстреливает, будто из мощного прожектора, конус голубого света и выхватывает из утренней мглы влажную Лысицу, что на покатом ступене — примыряются давнишние соседи — вершины, чтобы перепрыгнуть друг к другу и закружить реку.

Идешь по тропке по-над Черемошем к своему береговому укреплению, где потом, после завтрака, снова будешь вести измерительные работы, приязная к местности проветит плотинами.

Это не рабочий выход: тебе хочется еще и еще раз убедиться, что все произошло именно так. Это же было так давно, что уже и в памяти стерлось, и когда-то несколько дней назад остановился над узким речным коридором между Лысиной и Турнасом, местность была для тебя совсем чужой, только приглушенное береговое укрепление показало откуда-то знакомым, где-то ты видел такой мол, наискось коганный в руку, переплетенный грубыми канатами: шум реки вдруг начал отбивать ритм песни про камень, что растет без корня, да утонули клочки неясных воспоминаний в зеленой пене.

Только потом — молодая ветка среди позднего лета...

Молодая ветка лихты, посаженнойazole подворья, с еще приметными к стволу, еще не расклеванившим иголками, уткнулась в лицо Василья и ласкала его; ты видел, как эмиртантинцы торжуют тело своего сына, растегивая кинтары! на нем, а думал совсем о другом: так, как Василья, спало вчера это дерево, а сегодня проснулось, и ты думал о том, что наступает весна. Миронячка разорвала лубяшки, и покрашен побег лихты, и показало тебе, что выкулася он в ров.

— Софья! — закричала мать, и ты увидел глазу молодую женщину. Они были зеленые, как пучки иголок лихты, и стаяние, которое было в них, не убавило их красоты, и ты снова не мог думать о черном горе вдовы, а думал о том, что наступает весна.

Софья стояла неподвижно; закарпатец снял с головы гонведскую фуражку, шагнув ее оком; губы Софьи искривила гримаса, словно она готова была засмеяться, и снова закричала Миронячка, припав к расплывшемуся животу невестки:

— Опминис, ребенка погубил!

Тогда Софья проговорила:

Роман ИВАНЧИЧУК

РАССКАЗ

Рисунок Марины ПИНИСЕВИЧ

— Ну, что, мама, разбогатели! Это же он вас шел искать. А те пулей его оставили!

Только теперь, после этих ее слов, так спокойно сказанных, ты понял, что случился, и почернела медоюза зелень на лихте и в Софьиных глазах.

Этот взгляд пошел следом за тобой. Много лет после, когда в памяти стерся образ Софьи и забилось ее горе, ты иногда, становясь перед своей зеленой любимой, удивлялся тревожному темн в ее беззаботных глазах и зная не знал, откуда знаешь тебе эти извечная женская тревога, которая таится где-то глубоко в зрачках даже тогда, когда впереди растопляется сыщась.

Закарпатец сказал на позорное:

— Я приведу ее в память, ребенка усыновлю и тут останусь.

Рыдали трембляты, а Софья — нет.

Она молчала, отвечала мат:

— Не возвращайся. Вижу — захвачен она. Такая любовь в них, которую горы еще не видывали...

Ушел и ты с гор доми. Шел, словно в брод перехода раннюю весну. Терпко пахла она. Живичей, растом и гринчином. Ты шел мимо споманных вожов и вздутых туш убитых лошадей, минуя пожары. Ты брел по полю, по полю в человеческом горе, и строилась за тобой темно-зеленый взгляд мо-

лодой красавицы вдовы, как символ нерадения, ба, из моря этой боли ты взял каплю в свою жизнь — как предостережение.

Накопидовала непогоду Лысишка. Закипел на ней белый туман и превелился через ее вершину в долину, как молоко из поддона в миску. В то же мгновение закружились и соседние вершины, и в глубочайшую чащу села полыха отнесный дождь. Ты сидишь на пороге без дела и смотришь, как дымятся вокруг гор мокрые пожары, гаснут под дождем, снова грохочут белыми клубами, а село пришло внизу, словно на дне погашающего кратера, и захлестывается от пахучих испарений.

Жив ли хоть кто-нибудь из них: эмиртантинцы, Софья, ее сын или дочка, закарпатец! На месте Миронячиной курной хаты не осталось и следа жилья, сейчас там растет картофель; неужели все их жизни лишь топ и стоила, что бы вы с закарпатецем взяли из нее по капле печали!

— Здоромы будьте... — услышал ты сквозь вкрадчивый стук капель затихающего дожда.

Возле ворот стояла старенькая высочая бабка со стевальной банкой милок в руках. Ты ответил:

— Спасибо вам!

— Подойди-ка. Давно приехали и мы!

— Да нет... — сказал ты нерешительно, потому что после всего вспоминавшегося тебе показалось, что ты не уезжал отсюда никогда, и даже удивляешься, что не узнаешь людей! — Недавно, бабуся.

— А, так вы из этих инженеров. Слыхала, село будете затоплять.

— Это еще не скоро... — сказал ты и, приняв бабусин возраст, совсем успокоил ее: — Спице спокойно, это еще не скоро...

— Так возьми-ка у меня это вот молоко — за помни души.

— Благодарствуйте! — сказал ты и услышал:

— А они, мертвые, тоже едят, потому что живут — там, — старуха кинула на головной ее в небо, а в землю, — и страшного суда ждут, и воскреснут, и прудят. Прудят мон — Василью и Софьячку...

— Миронячка! — воскликнул ты.

— Я, я... — прошамкала старуха.

Ты подождал к ней, тебе хотелось заспать ее кучей вопросов, но остеклевенные от здоровья глаза ее и успокоенное перед вечностью лицо не свидетельствовали о острейшей памяти бабуси, и ты только спросил:

— У вас... у вас есть внук!

— А почему же не быть — есть... — Старуха пожала острым плечом, словно удивляясь, почему о такой очевидной вещи должны спрашивать! — Есть внук, а то как же, на славе работает, завтра поведет плоты и придет. Есть, почему бы не быть... — Бормотала она, идя со двора, ее, видно, все-таки взошло новало, почему кто-то, зная, что живет на свете Миронячка, совмещается в существовании ее внука... Конечно, есть, куда же бы делся...

И у теб в душе стало светло и хорошо, и мучительные воспоминания о затопленной вдове успокоились: так бывает тогда, когда в вечерней тревоге ждешь возвращения сына, и наконец открывается дверь...

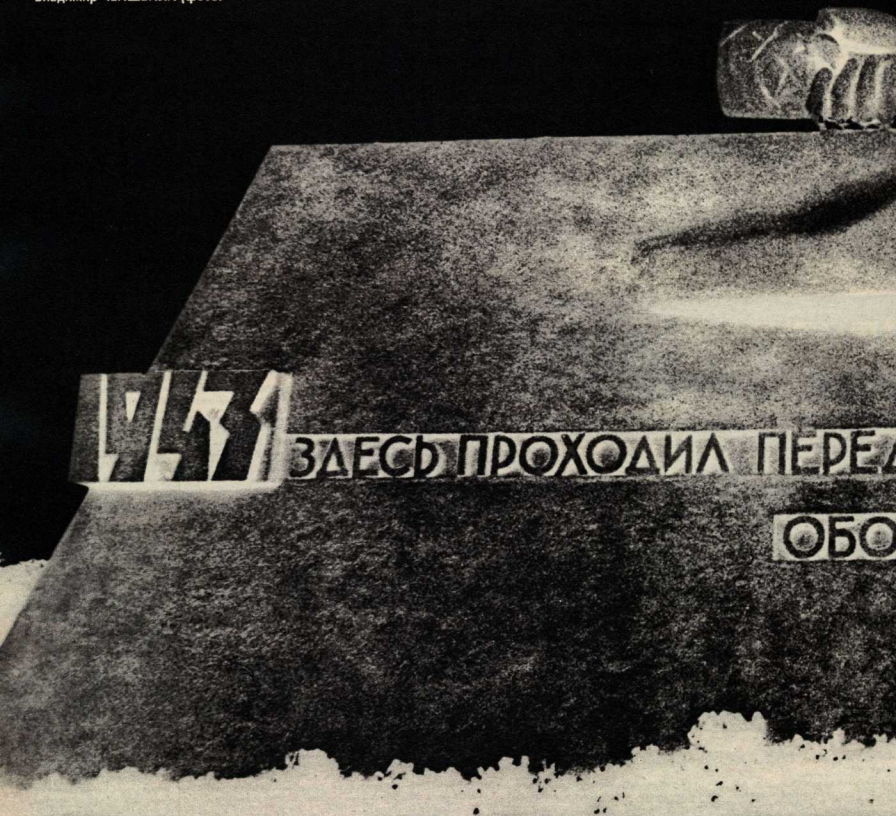
Идет к осени теплые лето над Карпатями. Где-то проклонится молодой побег, как воспоминание о весне, но это не весна. Бытуют горячие лучи о

¹ Расшитый орнаментами гучульский меховой жилет.

К 30-летию победы над фашизмом

ПОКЛОНИСЬ СОЛДАТУ

Борис ГАЛАНОВ,
Владимир ЧЕИШВИЛИ [фото]

Поезд подходил к Новороссийску. За окнами вставали невысокие холмы, тянулись заросли колючих тепло-рыбных мушкетеров. Потом показались присыпанные цементной пылью разноцветные домини новороссийской окраины. Мощные строительные краны обступили корпус многоэтажных жилых домов, еще не подведенных под крышу. На запасных путях стоял товарный поезда с надписями, выведенными белой краской: «Цемент», «Цемент...»

Разумеется, мы подъезжали к Новороссийску не тем путем, каким 30 лет назад подбрасывали в город домские пополнения и боеприпасы. Железнодорожный узел и вокзал были тогда в руках у немцев. А снабжение осуществлялось морем, за много километров от железнодорожного узла. Каждый вечер в маленькой курортном Телемджико собирался длинный караван судов, чтобы с наступлением темноты тронуться в опасный рейс к крохотному клочку новороссийской территории, захваченной десантом майора Кунцова в

феврале 1943 года. Оперативный этот плацдарм, расширенный впоследствии до 25 квадратных километров, вошел в историю войны под именем слабой Малой земли. А со стороны суши после наступления темноты, тоже рискуя головой, можно было добраться на машинах с погашенными фарами до цементного завода «Октябрь». У его стен тогда обрывалось туапсинское шоссе. Дальше дороги не было. Сразу за стенами завода цетнились пулеметами и минометами передний край немецкой обороны.

...Энергичные и расторопные дзушки-проводники, чья-то удительно напоминавшие военных дачат-регуляторы и, наверное, пылающе встречать и провожать в своем поезде ветеранов новороссийской битвы, поехали мне счастливым путем. Я вступил под своды новороссийского вокзала, где на токах и модных сидели транзитные пассажиры, в круглых зеленых креслах пылились пальмы и у газетных киосков выстроилась длинная очередь за «Правдой» и «Известиями».

МИ КРАИ ОНЫ МАЛОЙ ЗЕМЛИ

Само здание вокзала мне памятно еще со времени войны. Впрочем, в Новороссийске нет, кажется, такого дома, улицы, причала, пристани, с которыми бы не связывались какие-то волнующие военные воспоминания.

Конечно, с тех пор вокзал и перестраивался, и реконструировался, и ремонтировался. Но я-то хорошо помню, что мы, армейские журналисты, пришли сюда в день освобождения города фотографировать обгорелый и полуразрушенный остов здания. В разгар боев, когда большая

часть Новороссийска еще находилась в руках протанков, на крыше вокзала уже развевался советский военно-морской флаг. Выполняя партийное поручение, его поднял там старшина 2-й статьи Владимир Сморжевский. Я давно знал этого долговогого, отчаянно-смелого и веселого моряка-одедсита, имя которого выбито теперь на фронтоне вокзала, писал о нем в армейской газете «Звезда Родины» после куринковского десанта и, случайно столкнувшись с ним на пещище одной из городских улиц в день освобождения Новороссийска,

попросил рассказать, как, спрятав под телняшкой полотноще, он пробирался в здание вокзала.

Сморжевский охотно пообещал, но только не сейчас, а в следующий раз. Дружески помахав на прощание рукой — дескать, до новой встречи, привет! — он прошел мимо своей великолепной морской походочкой, зрелачу. Увы, тогда я не предполагал, что больше никогда его не встречу. Вскоре я узнал, что Сморжевский погиб в Керчи от пули немецкого снайпера, когда собирался повторить свой подвиг.

И вот теперь мне представлялась возможность пройти (но только в обратном порядке) путь Владимира Сморжевского от вокзала до Лесной пристани. Там в сентябре 1943 года, в час решающего штурма Новороссийска, он высматривал на берег в составе роты автоматчиков 393-го отдельного батальона морской пехоты. Знаменитого батальона! Ядро его составляли курсовики, отличившиеся еще в боях на Малой земле. А рота автоматчиков шла в голову батальона. Следую вплотную за огненным валом нашей артиллерии, автоматиче-

первый высказывался в Новорос- сийск. Это был точный расчет: успеть сойти на берег и закрепиться, пока немцы еще ошеломлены, оглушены, подавлены артиллерийским налетом и бомбовой атакой. И действительно, при высадке с морского озюника рота не встретила сопротивления.

Однако попытка продвинуться глубже едва не сорвалась в самом начале. Район Лесной пристани был густо заминирован.

Наверное, для сотни автоматчиков этот момент был одним из самых драматических, хотя в ходе шести дневных боев за Новороссию в какие только суровые и опаснейшие переделки не попадали люди.

Командир роты автоматиче- ский капитан Александр Васильевич Райкунов, рассказывая по номеру но- вороссийской гостиницы, рассказы- вая мне через много лет о бое на Лесную пристань так иносказательно, как будто бы это событие случилось только вчера, а может быть, даже сегодня утром:

— Лежу и думаю: вот-вот начнет светать. Тогда немцы ахнут заперто понаост. А если командовать: «Впе- ред!»... Куда! На минное поле! Мои же автоматичеки называют меня мерзавцем. И будут правы. Значит, нуле- но действовать личным примером. Слева от меня лежит Леша Гершман. Справа — мой друг Мингушев Анатолий. Шенку мне: «Пошли, ребята! За мной!» А сам поднимается. Дальше проволочные заграждения. Осторож- но нажимаю. Не минированы. Можно двигаться. Иду. А сзади слышу го- лос: «Ну, командир прошель. Спу- лодра, братва».

Райкунов постучал пальцем по ци- ферблату ручных часов:

— Все это я в мае тогда допысь рассказывал, чем тогда получилось. Тогда решали мгноения. В седьмом часу утра автоматичеки Райкунова с боем пробрались к вокзалу. Вот тогда в самый разгар штур- ма Сморжевский поднялся на крышу с флагом. Этот флаг увидели в раз- ных концах города. Всплуд, где ин- пен жаркой бой. Флаг над вокзалом, воздушная лодка. Райкунов дал радиogramму командиру батальона Ботилеву, который в западном райо- не порта закрепился в здании клуба торговых моряков. Райкунов был в отличном настроении, шутил: «Когда освободимся, приходи ко мне на чашку чаю».

Но до чашки чая, ок, как еще было далеко.

Завая вокзал и элеватор, потом здание школы, ударная группа Рай- кунова вынуждена была перейти к обороне. Продвинулись дальше не хватило сил. А немцы усиливали на- жом. Шесть стук Райкунов дрался в полном окружении. Связь с командиро- ванной прервалась: вышла из строя рация. На третий стук кончились продукты, неслика вода. Тем време-

нем непрерывные атаки следовали одна за другой. Немцевца противо- танковая пушка была в упор по ок- наной школе. Оставшиеся в живых слушали раненых в подвал на кинато. И смертельно раненый в живот автоматичеки Коля Забелин [он все спрашивал: «Ребята, я ведь умираю! Зачем обманываете!», собрав по- следние силы, вдруг закричал: «Напра- со старуха жидет сына домок...»

В день освобождения Новоросси- ской фронтоной Северо-Кавказ- ском командир генерал-полковник И. Е. Петров, просматривая награж- дные листы, сказал: «Каждого, кто дрался на вокзал, можно назвать ге- роєм. Вычеркните из награжных ли- стов недали. В этом списке я хочу видеть только ордена».

Когда по свежим следам новорос- сийских битвы мы, газетчик, собира- лись материалы о подвигах ее участ- ника, мне часто вспоминались эти слова. Героизм стал нормой поведе- ния. И не только в час прорыва де- сантных частей в Цемесскую бух- ту, — прямо к зубу противника, не только в разгар ожесточенных боев у вокзала, у клуба торговых моряков или на выдававшейся далеко в море каменной галерее Коботажной при- стани, где высматривался 190-й отдель- ный полк НКВД. Разве в предшест- вующие решающему штурму Ново- российских недрем и мессиды команд- ные обороны цемесского завода «Октябрь» — а таких дней было 360 — не требовал от защитников завода бесприманного мужества, стойкости и отваги! А перелезающая снарядами и авиобомбами свиста Малая земля! На Большой земле мы всегда с тре- вогой прислушивались к громуной гуду, напоминавшему гуд землетря- сения, который доносился сюда с Ма- лой. Это означало, что немцы вновь и вновь предпринимали попытки сброс- тить десантников в море. Казалось, на

этом навалом строительство еще живое должно быть сожжено огнем, сме- тено, уничтожено и раздвлено же- лезом. И все-таки малоземельцы вы- стояли, а затем и сами перешли в наступление. А команды катеров и моторбатов! Скропные в недавнем прошлом рыболовецкие суденышки Черноморского торгового флота те- перь каждую ночь отстреливались в опасный рейс к вражескому берегу. Голубой дорогой жизни для тех, кто сражался на Малой земле. Дорогой смерти для самих катерников, потому что радио-редко еще наравем благопо- лучно завершал свой рейс.

Об одной встрече с теми, кто бес- счетное число раз прошел во время войны по трассе от Геленджика до Новороссийска и обратно, я хочу здесь рассказать.

В день празднования 30-летия ос- вождения Новороссийска и при- смотра ему почетного звания «Гор- род-герой» я сразу же после оконча- ния многотысячного общегородского митинга на стадионе «Горд» отпра- вился на Малую землю. Для всех приехавших в город, не говоря уже об участниках новороссийской битвы, стало священным долгом по- бытть здесь.

Новые корпуса третьего микро- района теперь уже восседа в вплотную подошли к границе, отсюда в февале сорин третьего начались четыре гектара, первые четыре гектара тер- ритории киниковского десанта, ныне объявленные государственным запоедником. Уставые гды отходили на ступеньках у подножия белоснежной стены. От них я узнал, что, даже по самым скромным подсчетам, в этот воскресный день Киникову [так уже несколько лет именуется район быв- шей Станицки] посетили не менее 60 тысяч человек. Но сейчас в Кинико- ве было не так уж многолюдно. Не- сколько мальчишек, зажав в руках

воображаемые гранаты, ползили на четвереньках к немецкой трофейной пушке, некогда нацеленной с берега прямо в море, на десантные корабли, а теперь одну из экспонатов за- поведного района. Наверное, все ре- бата воображала себя знаменитым киниковцем Николаем Романовым, который при высадке десанта пер- вым захватил немецкую пушку и по- вернул ее против врага.

А у самой крошки воды стояли три немолдых человека. Многочислен- ные ордена и медали поблескивали на груди. Мы познакомились. Мои со- беседники оказались представителями благородной и опасной профессии катерников. Все трое были в возбуж- денном и приподнятом настроении.

Бывший боцман морского охотника «МО-32» Григорий Михайлович Бело- кович сказал мне смешь [тогда 30 лет назад ему было совсем не до смешя]:

— Знаете, о чем подумал сегодня здесь в Станицки! Ведь я слетал в космос города раньше космонавтов. Честное слово! Когда наш охотик подорвался на mine, меня так вы- соко подбросило вверх, что я даже успел подумать: интересно, куда же я буду падать! Хорошо, если в море, хотя февраль — сезон не купальный... А вдруг промахнусь и влячнусь наза- д, прямо на горящую палубу!...

Он с неомыслию зачерпнул горсть черноморской воды.

— Слава богу, что не промахну- сь! — Помолчал и добавил: — после пожара и потопы мне еще не раз довелось ходить на Малую зем- лю.

Нет, не зря во время войны была сложена неслика о железных людях, которые плавают на деревьях и спорилках!...

...Мне кажется, что я мог бы целые дни ходить по Новороссийску, оста- навливаясь у памятников морякам,

ОКНО С КОЛУМНО ПРОВОДКОВ КАК ВРЕЗ ВОЙНЫ НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ.

ПРАВЛЕННИЙ ОС- ТОВ ВАГОНА ВОЗ- ЛЕ ДЕМЕНТНОГО ЗАВОДА ПОСТАВ- ЛЕН НАВЕЧНО.

ЭТОТ САМОЛЕТ
ШТУРМОВАЛ ПО-
ЗИЦИИ ОККУПА-
ТОВ.

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ
7-34.

САЛОТ В ЧЕСТЬ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ.

пехотинца, партизана, вздвигнутых на площади и в скверах. Мог бы бродить по незанятым улицам и читать в названиях знакомые имена: Корниченко, Исаева, Чедокосова, Павла Когана, Филиппа Рубахо, Вдова, Козлова—героев битвы за Новороссию, которые, умирая, воплелись в эти многоэтажные новые дома, клубы, школы города. А потом непременно надо прийти в тенистую Аллею Героев, где в 1956 году от Севастопольского огня зажегся факел вечной славы у памятника и Силыгина и где каждый час торжественно звучит мелодия Дм. Шостаковича «Новороссиеские курянки», чтобы отсюда поворачивать панораму Цемесской бухты, просторной и тихой от вставших на причал океанских кораблей. Она лежит в полукруге черных, без растительности, гор, которые блестят на солнце, как кока буйвола. Дымятся заводские трубы. В триумфы какого-то судна под иностранным флагом грузят строевой лес. Белый катерок «Оризе» привозит из порта рабочие и сплывающие, закончившие дневную смену. Рядом со мной беседуют две женщины, и та, что постарше, очевидно, продолжая недавний рассказ, говорит другой, что ее отец, еще до революции в поисках лучшей доли перекравшись со своей семьей в Новороссию, поближе к морю и солнышку, много раз с отчаянием повторял: — Боже мой, как же мы будем жить в этом городе! Крутом сплошные камни.

Сегодня в цветущем, голубом, зеленом и ослепительно белом Новороссиески невозможно даже представить себе, что один из крупнейших портов страны и развитых промышленных центров Кубани до революции был малоривлетивным, пыльным, зашитаым городком и что суровая каменистая его почва была судия наказанием для новоселов. Но столь же трудно представить себе этот город лежащим в руинах — там, где мы увидели Новороссию в день освобождения от фашистской оккупации. Горсточка партизанских и советских работников, вошедших в город вместе с частями Советской Армии, установила, что во всем Новороссиески уцелело не более трех процентов зданий.

Теперь, когда Новороссиески отстроен заново, о страшных разрушениях войны напоминает лишь то, что самым граждане города затеяли сохранить метроуты, оставить навечно для будущи поколений разрушенным, неостроеным: на южной окраине Новороссиески узкую прибрежную полосу, изрезанную окопам и ходами сообщения,— район высадки куинковцев; на восточной окраине, поднятый на пьедестал, как памятник войны, остов товарного вагона, изреченный осколками и пробитый пулям,— здесь когда-то проходил передний край обороны 305-го батальона морской пехоты, и люди стояли насмерть. А на широкой, оживленной магистрали, соединяющей цементные заводы с центром Новороссиески, урюком чернеет полуобгорелый шпелет Дворца культуры цементников. Величественное это здание было построено перед самой войной. Но его парадные двери так, кажется, ни разу и не распахнулись для посетителей. Даже торжественное открытие не успели назначить. Разразилась война. Немцы подошли к городу. И вот обугувшись от огня стены с преваленным глазицами окон, скрученные и перепутанные стальные канаты, вздыбленные вверх железные столпы красноречиво напоминают об отремевшей здесь много лет назад яростной битве.

В первый день освобождения Новороссиески был пустынен и молчалив. Никто не встречал победителей. Немцы насильно угнали из города

всех жителей. И если бы наш войска так стремительно не теснили противника в Тамани, не знаю, какая бы оюнда судьба изгнанных с родных мест стариков, немощных друзей.

Помню первый общегородской воскресник по расчистке улиц Новороссиески. Прямо с воскресника жители города пришли и здание города полна на митинг. собрание 1943 года я писал в отчете для «Правды»: «Этот митинг нельзя было назвать многолюдным. Слово «многолюдный» сейчас не подходит для новороссиеской о Новороссиески. В городе, насчитывавшем до войны 103 тысячи жителей, к моменту вступления Красной Армии оказалась одна жительница Мария Тимченко. Притворившаяся большой слепым тифом. Это слово Марии Алексеевну от насильственной эвакуации. Но дом на Аванпоском шоссе, где жила Мария Тимченко, немцы, уходя, заминировали.

Жаль, что я не уточнил, сколько жителей в приехавших в город гостей присутствовало на стадион «Груда», когда торжественно отметили 30-летие освобождения Новороссиески от фашистской оккупации и присвоение ему почетного звания «Город-герой». Если бы тогда старались выместить всех мелающих, там, наверное, присутствовало бы больше народу, чем во всем довоенном Новороссиески. Зрители сидели на трибунах, тесно прижавшись друг к другу. А те, кому не хватало сидячих мест, стояли плечом к плечу вдоль всего поля стадиона.

Вечером праздничная, нарядная, поюному шумная и оживленная толпа опять вынесла меня на Аллею Героев. Пламя Вечного огня пылало в танкетке, бросая красноватые блины на столбы деревьев, на навалы плуы с именами Куинкова, Силыгина, Каданчика... А потом я вышел на осевденную пеструю огнями набережную. По случаю торжества у набережной расчленились военные корабли Черноморского флота. Казалось, сюда, на широкую эту набережную, паровозика с митинга везе город. Портовая гирлянда, рыбы и докеры, нефтяники и цементники прогуливались цепями семьями — с женами и детьми. Молодые моряки обнимались своими девушками. Ветераны новороссиеской битвы, оруженые плотным колом почтительных слушателей, вели рассказ о митингах и переломе.

Многие в тот вечер вспоминали слова из правдивенного письма Л. И. Брежневa трудящимся Новороссиески. Будучи начальником полпотодела 19-й армии, товарищ Брежнев в разгар боя город писал пример высокой партизанности и воинской доблести. В день 30-летия освобождения Новороссиески и присвоения ему почетного звания «Город-герой» он писал:

«От всего сердца, горячо поздравляю вас, дорогие новороссиески и боевые друзья, с высокой наградой Родины!»

Уверен, что вы и впредь будете с любовью хранить у себя революционные, боевые и трудовые традиции этого замечательного города!»

Чувство законной гордости испытывали в дни торжества все ветераны новороссиеской битвы, чувство гордости за то, что они могут назвать себя новороссиесцами, людьми, сопричастными к судьбам этого города и его граждан, добившихся замечательных успехов в трудовом фронте, и вот сейчас празднующи на берегу моря, на прекрасной, просторной набережной торжественную дату освобождения Новороссиески!

Поклонись солдату, товарищ, сказано в Наказе гражданину города Новороссиески. Поклонись, солдат, городу и его людям,— они сохранили и приумножили славыи новороссиеские традиции.

14 февраля 1943 года. Отрешили бой в Сталинграде. Войска Южного фронта, в который входил наш отрядный инженерный батальон, стремительно наступали на Ростов.

Темной ночью по морозу мы вошли в Батайск. Город был опущен от немцев, но они зацепились поблизости, за железно-дорожной станцией, и выбить их пока не удавалось. Где-то в той стороне слышались взрывы артиллерии, слышались гудящие взрывы.

Наш батальон расположился в приземистых, тихих домах на окраине города. Но мне отдыхать не пришлось. Начальник штаба старший лейтенант Весняников подкачал меня и поручил найти квартиру для комбата.

Несмотря на усталость, я выхватил привокзальную и вышел с охотой. Мы искали своего комбата, и сказать что-либо для него считалось большой честью. Солдаты любят командира не за голубые глаза. Наш комбат капитан Храбров был отличним офицером, смелым, умным, опытным. Воевал с первых дней войны. Был трижды ранен. Награжден тремя орденами.

Орден Боевого Красного Знамени Храброву уряд генерал В. И. Чуйков, командующий армией.

Во время у нас был комбат. «Наш батя», — говорили о нем бойцы. А шел в то время уже двадцать четвертый год...

Итак, я отправился искать для него квартиру. На соседней улице увидел красивую старую в черной стеганой. Постоял, юркнула в подвал. Понял, что в доме живут, я толкнул калитку, пересек двор и поднялся на крыльцо. Неожиданно открылась дверь.

— Передо мной стояла молодая красивая женщина.

— Не бойтесь! — сказала я как можно спокойнее. Она встала, улыбаясь чуть напряженно:

— При немцах привыкли всего бояться... — И вдруг легко так поцеловала меня в щеку.

Тут уж я подрастерял, хотя женщина освобожденных сел и городов таким образом часто выражала свои радости...

— Вера Ефремова, — представилась она.

Я назвал свое имя, сказала, зачем пришла.

Вера Ефремова обрадовалась:

— Приходите обязательно, места в доме хватит. И мне не так будет страшно. Я соскучилась. Мама боится стрельбы, прячется в подвале.

Примерно через час я привел в этот дом капитана Храброва. Увидев хозяйку, командир неожиданно для меня смутился, оробел. Выручила сама Вера Ефремова. Она сразу стала распоряжаться, дала мне ведро, велела принести воды, потом коротко пошла в сарай за дровами, разложила палату. Слова веселого, как будто лето. Шутя я назвала хозяйку «тетей Верой» да так с тех пор и называл ее, хотя была она женщиной молодой, в расцвете женской красоты.

Пока мы мылись и бршались, на столе появилась жареная картошка, сало и даже бутылка водки. Затрагивали не торопясь. Дмитрий Иванович Храбров не сидел за столом. Она ему определенно нравилась.

Позд вечер командир ушел в штаб. Я остался с «тетей Верой». Она неожиданно появилась передо мной в длинном черном платье с белым кружевным воротничком, которое ей было очень к лицу.

— Давайте потанцуем, — предложила она. Мы завели патефон, зазвучала мелодия модного в те времена тальо «Клоуб».

Мы только начали танцевать, как в коридоре послышались шаги — и Вера резко отстранилась от меня. Вошел Храбров. Мило улыбаясь, вынул из кармана несколько театралью прописок:

— К вам нужен капитан. Помогите мне, пожалуйста, накрыть стол.

— К вам нужен услужливый, сударыня, — чуть подыгрывая ей, ответила капитан.

Мы завесили одеялами окна и зажгли керосиновую лампу. Появилась мать Веры, которую дочь почему-то звала Фильмовной. Старуха что то буркнула себе под нос — вроде поподорожалась, прошла на кухню, набрала в кастрюлю картошки, кивая хвоста, села и, хлопнув дверью, ушла. Вера, набросив на плечи платок, вышла за матерью, но скоро вернулась.

После ужина командир с Верой стали танцевать. Я ушел в другую комнату, привел Думу, конечно, о Вере... Все отстоялось — война, ошанство, кровь и смерть — вдруг оттошло на второй план. Мне даже стало казаться, что я где-то видел эту красивую женщину раньше...

Рано утром прибыли автомашин с новым понтонным парком. Их расстреливали по дворам и замаскированно. Жители спрашивали, что это такое: понтончики с прогнившим казались новым парком, другим видом. Наше солдаты называли их понтончиками. И все-таки, видимо поверили в это. О «катюшках» в то время много говорили, но еще мало кто их видел.

И Вера мне спросила:

— Правда, что по дворам стоят «катюшки»?

— Кто им сказал? — удивилась я.

— Все говорят! — ответила она.

Разговор на этом и кончился, я торопился в штаб. Старший лейтенант Весняников включил меня в свою группу по разведке мотком по шоссевой дороге от Батайска до Дона. Шли мы на разведку ночью. Как сейчас вижу: обвалившиеся фермы, раздробленные ветки быков, бесформенные глыбы железяк-зубов... Задку мое выхлопало. В расползение батальона вернувшись утром. Не успев доложить командиру о результатах разведки, как услышал тревожный: «Воздух!». Я высочил по двор: звено «якнгерсов» идет на нас. Ударили зенитные пулеметы. Все потонуло в грохоте разрывов. Поняю, меня сильно толкали вправо, влево, обдало жаром. Все пошло, как в тумане, задрожало вправо, влево. Когда пришел в себя — увидел Веру. Понял, что лежу в ее доме. Она наклонилась надо мной, осторожно вытирая мне лицо мокром полотенцем, а сама выгадала такую усталую, страдающую, и глаза были снова испуганными.

Раненых отправляли в медсанбат, а меня командир оставил выдвигаться в батальон, — рана моя была не очень серьезная. Подняться я должен был скоро.

Батальон участвовал в боях за Ростов. Я в это время лежал в доме Веры. Днем она куда-то уходила, а вечерами садилась у моей кровати, и мы подолгу беседовали. Я рассказывал ей о нашем комбате, она жадно слушала. Однажды я спросил ее:

— Вы любите капитана?

Вера вздрогнула, помолчала и тихо ответила:

— Такая беда может случиться...

— Почему беда? — не поняла я.

Вера рассмеялась:

— Ты еще маленький, не поймешь.

О себе Вера рассказывала охотно. До войны жила в Ростове, окончила медицинский техникум. Работала медсестрой. Перед самой войной вышла замуж за армейского капитана Стодымова и уехала к месту службы мужа под Винницу. В начале войны эвакуировалась к родственникам в Ростов. Во время оккупации, боясь преследований, — жена красного командира — уехала с матерью в Батайск, где ее никто не знал...

Когда я начинал расспрашивать Веру о муже, она отделивалась общими фразами: на фронте ничего не шло...

Иногда Вера мне задачивала, удивляла.

— Непонятно, — вдруг сказала она как-то, — откуда русские взяли такую силу, чтобы сломить немца?

К концу февраля я поправился. Батальон был уже в Ростове. А вскоре к нашему комбату приехал Вера.

Храбров стоял к тому времени майором. Событие это праздновали в столовой вечером.

— Моя жена, — представила комбат Веру Ефремову. Она скромно склонила голову, но глаза сверкнули гордо, торжествующе.

Из записок военного контрразведчика

Александр ГОВОРОВ

В то время я был старшим, помощником командира взвода. Покинув о разведке и контрразведке имел самое поверхностное. В истории, о которой мне хочется рассказать, смог разобратсь много позднее, когда уже сам стал военным контрразведчиком.

Ужин проходил как свадьба. Кричала «горько», ждали молодым прожить до золотой свадьбы, иметь много детей и внуков...

Потом я случайно услышал, как она сказала Храброву:

— Я счастлива коротким счастьем. Но за что, кажется, можно и умереть.

В апреле нас перебросили в станцию Раздорскую. Через неделю Вера Ефремова приехала к нам. А вскоре командир отправил ее к матери в Батайск: находилась в расприжении батальона ей не разрешали. Однако недели через три она вернулась в Раздорскую. Приехала она на попутной машине. Майор был где-то в ротах, за ним посланцы. Была она бледной, потускневшей, по-армейской.

— Что с вами, тетя Вера? — сочувственно спросил я.

— Ничего особенного. У женщин это бывает, — ответила она, хотела улыбнуться, но не получалась улыбка.

Принесла майор. К моему удивлению, он встретил Веру холодно и довольно резко спросил сразу:

— Сдала?

Она опустила голову.

— Мне не веришь?

Вера умоляюще подвала руку.

Уходя, я слышала, как она крикнула ему:

— Дима! Не могу я быть матерью...

Летом 1943-го началось наступление на нашем участке фронта. Вера Ефремова осталась у какой-то своей родственницы в Ростове. И честно говорила с обдуманным докладом, что роман, если и не кончился совсем, то по крайней мере прервался надоло. Однако уже через месяц Вера Ефремова приехала к командиру. Меня удивило, как в громадном водвороте боевых действий она нашла наш батальон, и я сказал ей об этом.

— Кто хочет, тот всегда найдет, — отшутился Вера.

Уходя, я услышала весьма громкий и резкий разговор между Храбровым и заместителем Покровским.

— Ее надо отправить! — тоном приказа говорил Покровский.

Храбров грубо оборвал его.

— Не твоё дело! — Но тут же, будто взвизывая, сказал: — Ты прав, Федор, прости. Отправлю завтра. Однако пойми меня: я очень люблю ее.

К осени командование стало готовить прорыв обороны противника и наступление. Инженерные части, в их числе и наш батальон, подтянулись к местам предстоящих ударов. Этой зимой мы получили в распоряжение большой танковый батальон. Немцы утаили всех желей, а дома разграбили. Передача проходила совсем рядом, а сразу за стеной, в лесопосаде, замаскирована артиллерийская батарея. Мы с ними, как говорится, делили хлеб и соль.

Как-то вечером, уже было темно, к нашему дому подошла полурота артиллеристов. Из кузова выпрыгнула Вера Ефремова.

— Скажите спасибо, жена вашего командира досталась, а то паутова бы она. С нас чарка... весеаэ жауэшоф.

— Где Дмитрий Иванович? — спросил былыя первая сова Вера.
— Я сбегла за командиром. Встреча мужа и жены была нежной. Вера села счастлив, да и майор, хотя и стараясь был суровым, но мы скрыть радости.

Перед самым наступлением роты наши передислоцировались, штаб батальона временно остался на месте. Командир был, конечно, в рюкзак, и заботы о нем не было. Когда мы начали атаку, командир оказался в тылу, тогда даже плакала потихоньку, а в даруг натчет неестественно вела себя.

Ночевали мы в доме трое: в одной комнате — Вера, в другой, проходной, — я и пожилой писарь штаба старшина Салверстов.

— Этот вечер мы долго поужинали. Потом сидели на крыльце, разговаривали. Салверстов стал рассказывать, как Храбров выводила свою роту из окружения под Харьковом...

Вера Ефремова, не дослушав, вдруг встала и ушла в дом. Скоро и мы с Салверстовым ушли спать. Но заснуть мы сразу, Салверстов продолжал говорить о комбатах. Какой он человек, смелый и справедливый. И неожиданно в середине какой-то длинной истории сказал:

— Не врать мне эта ваша шта Вера. Сегодня утром я забыла в доме котелек и ложку, вернулась сюда и вижу: из окна тети Вера вылезает носатый лейтенант, увидев меня, и шпашь за сарай, к артиллеристам.

Старшина помогал в строго законном.

— Не говори командир, сейчас у него дела горячие. А вообще-то сами забурещусь... Салверстов умолял и вскоре задремал.

Меня потянуло услышать. Эта женщина! Как смела она притвориться вдовой! Потрясающе! Нет уж! Я молчать не стану, все майору расскажу!

С этими мыслями я заснул. На рассвете в дверь стучались: «Григорья! Натяну сапоги и схвати автомат, я выхожу на улицу. От ворот бежал командир отделения разведки сержант Громов, в руках две дымовые шашки.

— Салверстов и партизаны заступили в подвале каких-то голод! Отстрелялись! Сейчас мы их выгоним из подвала! — Аванш тупа!

Я кинулся за ним. Громов сбросил в двором подвала гранату, в окно — дымовую шашку. Из подвала вылезли двое: один — в форме лейтенанта, второй — со старинными погонами. Мы их обезоружили, обыскали, связали.

— Салверстов, который был тут же, толкнул меня локтем:
— Он!
— Кто?
— Лейтенант, который был у тети Веры.
— Не может быть!
— Тотчас! Он лез из ее окна... вчераше сказала Салверстов.

Мысли закружились, как вихрь. Это враги — дело ясное, но при чем тут Вера!

Задержанных привели в штаб. Первым допрашивали старшину. Я стою в углу комнаты у двери. Старший лейтенант Назаров из контрразведки спросил сразу:

— Какое задание выполняете?
Старшина что-то промолчал.
— Вы агент германской разведки. Это установлено. Ваши документы дипломы... продолжаю контрразведчик.

«Старшина молчал, но потом вдруг гауко сказал:
— Я только радуюсь. Мы заставили.
«Старшина» стал давать показания:

«Меня поддоказали в штабе... женой командира инженерного батальона Столбовской Верой Ефремовой. Она должна добыть сведения о дислокации войсков, а мы — передать по радио.

Рядом со мной кто-то застонал. Я повернулся: в дверях стоял майор Храбров, рядом — старший лейтенант Веснижников. Я не слышала, как они подошли. Майор хватал губы за язык, куда на пистолете, повернулся и вышел.

— Идн с ним... приказываю Веснижников.
Майора я долгла у дома, где мы жили. На крыльце он приостановился, снова вернувшись оступил пистолет и толкнула дверь.

«Столбовская заходила с письмом. Она была одета.
— Зная подполковник... крикнул.
— Перед тем, перед тем и перед народом русским я чиста. Я прозреала. Жизнь, война, любовь открыли мне глаза. Лучше, чем теперь, я не была никогда.

— Она хотела сказать, что-то еще, но майор выхватил пистолет. Я увидела его по руке — ушла войско в угол ног Столбовской, отсколок кусок доски.

В небольшой комнате встретил огултан ше. Майор опустил голову.
Спасибо, Саша... тихо сказал он мне. И вышел. Тем временем уже прибыла команда в штаб. Столбовскую куда-то уехали. Дом тщательно обыскали. Никаких вещественных доказательств шпионажа найдено не было.

Майора Храброва срочно вызвали в штаб армии. В батальон он больше не вернулся. Позже я слышала, что его перевели с понижением в другую часть.

Через несколько дней наши армия прорвала немецкую оборону. Началось большое наступление. Столбовскую с кем-то, с кем было сказано, я стал маюлопомо забывать. Однако примерно через полгода мне вручили письмо без обратного адреса. Вот что было в письме:

«Вывала случай, и я решила сообщить, что жила в деревня, Дмитрий Иванович, наверху, пострадал, потому пишу на тебя. Прощай ему, ради бога, что я ни в чем не виновата, но доказать не могу. Спасибо, что ты спис меня... Вера».

Не виновата... А связники германской разведки? Ведь я слышала упоминания слышала показания. Но как ни домая я голову, а сколько-нибудь стройная картина

прошедшего не складывалась. Зачем она, к примеру, прислала это письмо? Не все ей я равно, если она просто шпионка и дела ее раскрывать?

В батальон после выдворения — он был ранен — вернулся Салверстов, и я поговорила с ним своими раздумьями. Старшина молча, серьезно высказал мнение и сказал:

— А ведь тебе шпиновы помогал нам задержат она.
— Как? Сама выдала своих связников?
Салверстов стал рассказывать.

— Той ночью, уже на рассвете, она меня разбудила и говорит: «Выйди во двор — кто-то жидит по окнам». А я слышу: не просто жидет, а я и слышу тихонько стучат. Выша автомат, вышла. От нашего дома как метнется кто-то... Ну, а дальше ты знаешь.

— Выходит, что-то было, хотя она от тех связников освободилась... значит я...
— Выходит, так — сказала Салверстов. — Должно быть, сначала соблазнила она нашего командира, а потом полюбил его вернее...

После войны, летом 1946 года, я уже служивший к этому времени в контрразведке, приехал в командировку в Сталинград. И случайно, от знакомого офицера, узнал, что Храбров привезет меня в Красноармейске. Я решила ехать. Жила он в небольшом домике на кургане, близ Восточной. Позже майор Дмитрий Иванович очень обрадовался. Был он уволен в запас по ранению, но по-прежнему крепко, хотя заметно потусклев: виски побелели, лицо заредело морщинами, глаза было вылезло. Визно, пережитое в войну, не прошло бесславно.

Мы пределись воспоминаниями, выпили за встречу... И, конечно, разговор зашел о Вере Столбовской. Я рассказал о письме, которое получила от нее летом 1944 года.

— Не знаю, как могу поверить, что она шпионка! — сказала медленно и будто бы в недоумении.

— Возвратившись из командировки, я по служебной необходимости начал изучать литературу, характеризующую подпольную работу немецко-фашистской разведки в это нашей страны. Мне пришлось заглянуть в архивы и дом Столбовской В. Е. Не хочу и говорить, с каким интересом раскрываю усталый том в корячьей обложке. Первые страницы удивили меня до крайности:

«Шпионка Регина Станиславовна, она же Столбовика Вера Ефремовна, 1916 года рождения, уроженка г. Ростова-на-Дону, украинка, из семьи бело-говардского офицера...»

— Может быть, не та Столбовика? Нашел конверт с фотокороткой. Она! Листва дело.

«...Проживая с родителями-эмигрантами в Австрии, Шпионка Р. С. поступила в институт агитпропа, окончила ИТСИП (Нашкоп) (Нашкоп-турло-оной совоу нового поколения) и принимала активное участие в его деятельности.

В 1941 году Шпионка Р. С. окончила школу германской разведки в г. Вене.

«В начале 1942 года Шпионка Р. С. по заданию немецко-фашистской разведки приехала в Ростов-на-Дону, где действовала как агент-провокатор, передавая врагу коммунистов, комсомольцев и других советских патриотов. По ее допросам гестапо арестовало 12 человек. Из них Сталская И. Д., Белошницкая М. Ф., Епкин З. Я., Жукович С. И. распространяя гитлеровские, студба других арестованных коммунистов...»

В январе 1943 года Шпионка Р. С. под именем Столбовской Веры Ефремовны вместе с агентом оккупационной полиции жителящей г. Ростова Мачуковей Е. Ф. по заданию германской разведки поехала в г. Батайск... Вот оно что! Оказывается, Фильмовна не мать Столбовской, а ее напарница.

Группу возглавляла агент германской разведки Юнг С. И. (при задержании была в форме лейтенанта Советской армии). Он показал:

«В феврале 1943 года я и радист Зудин Н. И. скрывались в подвале дома, где поселились Столбовская и Мачукова. Там же была спрятана радио. Первую важную информацию — о «квантоне» — мы получили от Столбовской. Судя по протоколам допросов, садователь вела с арестованной длительную и упорную борьбу. В одном из протоколов допросов записано так:

«Связь Столбовской с офицером Храбровым открывала для нас большие возможности добывать важные сведения. Инженерный батальон, которым он командовал, выдвигался в направлении вероятного наступления советских войск, что позволяло немецкому командованию делать определенные выводы.

«До лета 1943 года Столбовская работала хорошо. Она ездила за батальоном и передавала важную информацию. В последнее же время от встреч с нами уклонялась, скрывалась на болотине.»

Преступная деятельность Шпионской-Столбовской подтверждалась показаниями ряда свидетелей и некоторыми захваченными при нашем наступлении немецкими секретными документами. Сама же она, несмотря на неопровержимые улики, свое служебное и германской разведке отменяла категорически. Судя по протоколам допросов, садователь вела с арестованной длительную и упорную борьбу. В одном из протоколов допросов записано так:

«Вопрос. Вы представляете рукописный донос в гестапо на жителей г. Ростова в декабре 1943 г. И. Белошницкую М. Ф., Епкин З. Я., и Белошницкую М. Ф., которые вы в декабре 1942 года проживали на квартире. Вы признаете, что передали гитлеровцам указания советских патриотов?»

Ответ. Нет, не признаю.

Вопрос. Вы представляете заключение графической экспертизы от 27 ноября 1943 года от Ю. З. Я. и Белошницкую М. Ф., в котором вы в декабре 1942 года написали рукой. Что скажете теперь?

Ответ. Никогда никаких доносов я не писала.

Так проходила и другие допросы. На очных ставках Юнг и Зудин изоблачили ее конкретными фактами. Но она стояла на своем: на службе в фашистской разведке не состояла, преступлений не совершала.

Военный трибунал 28-й армии признал Шпанскую-Столбовскую виновной в совершении типичных преступлений и приговорил ее к высшей мере наказания — расстрелу.

Обсужденная обратилась с просьбой о помиловании, при этом она указала, что находится в состоянии беременности и хочет быть матерью ребенка. В деле имеется медицинская справка, подтверждающая ее заявление о беременности.

Шпанскую-Столбовскую помоясла, заменив расстрел десятью годами лишения свободы.

— Дмитрий Ивановичу Храброву я обо всем этом не сообщила. Решил, что так будет лучше.

НАШ
ТИЛЬ

СОВРЕМЕННОЕ УЛЕНШИНГЕЛЬ

Юлий СМЕЛКОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Не любить классику — некультура.
Любить — довольно сложно.
Уважать — проще всего.

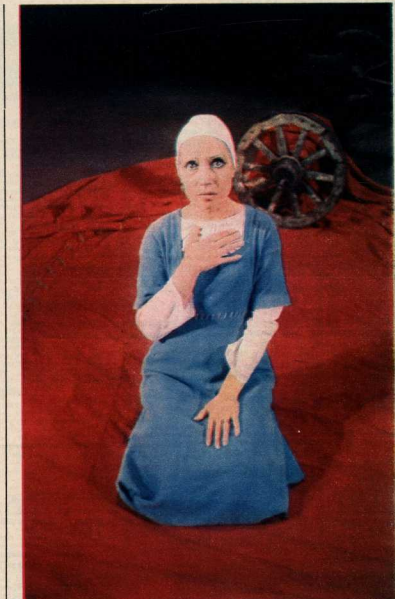
Частенько ее именно уважают: да, конечно, великие писатели, выразители передовых идей, в школе проходили. Признаться в том, что многие из этих великих лично тебе ничем особенным не дороги, что личного контакта с ними у тебя нет, как-то неудобно, потому что человек, когда речь зайдет о классике, со значительным выражением лица verkakhet что-нибудь обязательное. Для подлинно живого восприятия классики такой человек потерял — отторгнулся от нее барьером уважения и приличествующих случаю этикет. Право же, мне неясно, что, кто на упоминание великого имени откланился пренебрежительно «Мур!» или «Скука!» — у них барьера нет, их еще можно переубедить.

Вопрос в том, как переубедить. Вряд ли помогут тысячи самых лучших лекторов — во-первых, такой человек на лекцию скорее всего не пойдет, во-вторых, искусство должно само объяснить себя, само войти в душу. В сущности, классика потому и классика, что она всегда современна, но современность эта порой бывает заслонена от невнимательного читателя историческим антуражем, и мы не можем узреть духовно близкого нам и нашему времени героя, поскольку могут помешать непонятный костюм и манера говорить, характерная для пятинадцатого или восемнадцатого века.

Однако заменить этот костюм джинсами нельзя — он впрямь к классическому герою, составляет одно целое с человеком; это я о попытках так называемого «современничества» классики. Не так давно мы продавали очередную пушкинскую годовщину, появились новые статьи и работы о поэте — в одной из них талантливейший пушкинист Валентин Непомнящий писал: «...великое искусство потому и велико, потому и вечно, что именно в нем самом, в глубинах его смысла находится то, что в тысячу раз современнее — а потому, быть может, и злободневнее — иных фанерных надушек. И пытаются «дотачивать» такое искусство «до современности» — все равно, что пытаться кроить трупу в кадре прутья».

Итак, «джинсы» не годятся, почтительное уважение тоже не лучший способ восприятия классики. И нет рецептов, нет указателей на пути к тем самым глубинам смысла: как нам надо прийти самому.

Я хочу разобраться в том, как удалось писателю Григорию Горину и режиссеру Марку Захарову постичь современную смысловую глубину «Тиль Уленштингеля» и сделать его близким и понятным молодым людям нашего времени. Что удалось — это

НЕДЕ — И. ЧУРИКОВА.

несомненно, поскольку поставленный Захаровым в Театре имени Ленинского комсомола «Тиль» пользуется успехом прежде всего у молодежи.

Вот он — Тиль. Веселый, ловкий, злой. Актера Н. Караченцова как будто вовсе и не заттит «историческая ответственность», налагаемая тем фактом, что он играет героя великой книги: Тиль так Тиль, а если завтра переменающая судьба принесет ему, скажем, роль Карла Моора — что ж, сыграем Карла. Отсутствия «заранее заготовленного» подтекста освобождает актера, ему легко и весело, и это очень важно, потому что сам Тиль —

человек легкий и веселый. Он шут, юморист, шутит и озорничает, у него митовенная реакция и взрывной темперамент, но что самое главное — он духовно и интеллектуально подобен тем молодым людям, которые сидят в зрительном зале: шут так, как они шут на улицах или дома, так улыбается, так реагирует на окружающее. Он, если захотит, их представляет, их полномочный посол на сцене театра, в спектакле, в шестнадцатом веке.

Значит, искусственное осовременивание, «джинсы»? Нет, ничего подобного — режиссер и актер наделили

ТИЛЬ УЛЕНШИНГЕЛЬ — Н. КАРАЧЕНОВ.

Тиль чертами, свойственными молодому человеку всякого времени. Он свой и в мире спектакля и в мире зрителя, он объединяет эти два мира, контакт осуществляется через него. Тот самый личный контакт, без которого невозможно войти в храм великой литературы — два абсолютирует не просто положительному герою знаменитой книги, но своему парню, близкому и понятному, несмотря на громкое имя, чужестранное происхождение и четыре века разницы в возрасте.

Но — может возразить иной строгий человек — не упрощение ли это? Не пожелтортел ли театр значительную часть содержания книги, не слишком ли призрачно и восторженно комарит эпохи?

Да, упрощение, да, пожелтортел. Из книги Шарла де Костера мы можем намного больше узнать о состоянии гёзов, о борьбе нидерландцев с испанским владычеством, о реалистичных нових XVI века. Книга сложная, амбивалентная, так или иначе, вместили все это в спектакль невозможно. Но у театра есть свои преимущества и свои законы, и чтобы рассказать историю о Тиле, у него вполне достаточно собственных выразительных средств. Тут важнее «скользко», а «что» — не количество страниц и эпизодов, перенесенных на сцену, а какие писателя и ее современное воплощение.

«Два мальчика народились: один в Испании, принц Филипп, другой во Фландрии, сын утолщика Клааса. И прозвали ему Дале — Уолштингола. Филипп стал королем и вальхом, а из Уленштингеля выйдет балгур и насмешник». Вот это и есть главное: король — против свободного человека, балгур — против насмешника. В книге они не встречаются, просто не могут встретиться: слишком много между ними ступенек социальной лестницы. На сцене — не могут не встретиться. Алюном и алуку — король Филипп и бродяга Тиль. Стрелу эту устроил сам Григорий Горин, в романе ее, как и большинства эпизодов спектакля, нет, автор шессы отходит от первоисточника довольно далеко — чтобы прийти к нему другой, театральной, дорогой.

Два человека стоят друг против друга (то есть Филипп, как и вдобавок его вальцеству, конечно, сидит) — король и его подданный. Кто из них свободен? Тиль. Кто раб? Филипп. Да-да, именно так, хотя Тиль привеле к королю под конвоем. Тила достаточно одного, как бы какое-то слово, чтобы Тиль был казнен.

Но что есть свобода? У Филиппа — армия и инквизиция, доносчики и вальхи, власть и мочу. Но он обязан любить свою залу и урвать у королю Марно, чтобы подарить Испании наслаждение. А Тиль, инний бродяга и шут, любит

кого хотел, то есть во всех жемчужинах он любит одну, свою Нелю, но это уже другой вопрос. Тьял — дух Фландрии и дух этой свободы. Да, сила может уничтожить дух. Финаш может казнить Тьяла, но даже он понимает, что тут вступает в дело рок и ничем его не поможет, что хорошо бы не уничтожить, но сломать не казнить, но победить. А во что это и невозможно. Вневременный насмешник Тьял король все-таки призывает убить его — и тут же терпит позорное поражение, неосторожно пообещав исполнить любое последнее желание смертника. Далеко, ибо он думает, что власть его безгранична. Но «вша» величество, поцелуе меня в уста, которыми я не говорю по-фламандски! — и ни армия, ни инквизиция, ни палачи, ни допросы не могут доковылять королю. У Финаша есть только одна свобода — свобода казнить, пытать и убивать, чтобы заставить свое право казнить, пытать и убивать. А свобода Тьяла — это свобода человека, который сознательно сделал выбор, сам определил свою путь и будет идти по нему до конца. В спектакле это такая свобода — Тьял выслушивает своих соратников, и профос города предлагает: «А ну-ка, Тьял, меня...» Штутит с властью опасно, Тьял это отчаянно понимает, он молчит, и, увы, молча бы, но ведь он сам избрал свою судьбу, и не может изменить ей, и рискуя головой, профс издательский купует о профос.

Свобода Тьял — это свобода человека, отдавшего свое высокой гуманистической идее. Идея, а не борьба за власть, карьеру и прочие житейские дела. Идея, которая и определяет свободу человека, не затопит его в рамки догмы, но безгранично расширяет его возможности, поле его исторического действия. Такая идея ничего как будто не требует от человека — когда же наступит час, он сам должен потребовать от себя. Тьял вступает в войско Гёзов не потому, что он фанатически сторонник протестантского движения, а потому, что ему приказали, — пенна Клааса стучит в его сердце, он должен сражаться во имя погибшего отца, во имя своего своего. Ибо здесь на земле существуют угнетенные, свободный человек не может не бороться.

Все это вроде бы очевидно. Но одна деталь, которая читатель об этом и не подозревает как даже и в книге, терзающая душу, так скорее всего представляется, далеком от себя, на тебя непохожим. И совсем другое, когда парень, явно сделанный из того же теста, что и ты, можно сказать, ты сам, только в другой стране и в другом веке, утверждает превосходство свободного человека над вооруженными до зубов вассалами, двс солдатами, дощечниками и палачами.

Рыбак Ност, дошедший на Клааса, стоит на коленях перед Тьялом и кричит: «Ты же ж, жебён! Сейчас ты перешибешь мне голову, и земля, и кровь, и во Фландрию сразу вступит райская жизнь!» И Тьял... бросает нож. Так начинается вторая тема Тьяла, тема спектакля, не менее важная, чем первая. И, очевидно, более дискуссионная.

Рыбак Ност — дощечник, поделка и продавец. Пожизненный Тьялу, он украдет его деньги, те самые, для спасения которых вытерпел жестокие пытки Клааса. Будет есть и еще продавать и доводить. Стоило ли в таком случае мучить его?

Заме'дуз, окружившие Тьяла и Нелю, навешивают им советы. Один советует «протворить» дом, распылять порошок и есть протворенный. Другой советует хладнодушным. И сидеть у телого камня... И, помешавшая пенелочерой, вспомнить про вальочку! Вступают другие: «Кого ты слушаешь, Беско? Тебе надо сорвать вальочку, испачкать поклои!». Мстить? — вот он, смысл жизни! Мстить всем! Везде!.. Мстят! Мстят! Мстят. Король предатели! И мой тебе совет: для начала убей

матль. Она предаёт отца: он мертв, а она жива!»

Тьял и Нелю соглашаются от владыки коппара, а старшие слова Духа застревают в ямтах. Мстеть всем! Гаупствэ вудро. Кротоом предатели! Мстят, но кротоом предатели. Тьял не дух Фландрии, а одичка, которому только и остается мстить, убивать. В том-то и дело, что бороться за свободу своего народа можно только тогда, когда предатели — кучка, меньшинство. Тьял — дух Фландрии, дух народа, и именно потому он не может быть злобным и мстительным. Нет, это о зсерионии здесь речь, не о том, что надо подставлять правую щеку, когда тебя бьют по левой, но о том, что этот парень, так называемый Ност, который сам выродок црлого народа, и слова и поступки его мерзает иной мерой.

Чтобы установить эту меру, завершить тему, Горки придумывает еще один эпизод, которого нет в книге. Спасая своего друга Ламме, Тьял попадает в бучальный дом, где его ждет заключенный. Он мол бы убешать, но рыбак Ност (все тот же Ност!) приставляет нож к горлу жеза Ламме: «Еще одно движение, и я пережгу эту девку горю». Женщина просит Тьяла бекать. Ламме просит Тьяла бекать, но он сдается: «Я остаюсь, они все свободны!» «Лучше себя умереть!» — восклицает Ламме, и Тьял отвечает: «Бези умерять гаупо, Ламме. Дестья жеза — столаво за меня еще некого не давали!»

Если бы Тьял решил спастись, у него была бы куча оправданий. Он вылез бы вон из тюрьмы, пришел бы к королю, можда Гёзов, жеза Ламме готова была пожертвовать собой ради его спасения, и сам Ламме тоже. И девчонка, которую он спасал, помню, и предательница: они согласны были за горсть монет заманить Тьяла в засаду. Но у него другой расчет: девчонка жеза за оуду, и только это имеет значение.

И вот король Финаш, возникший в воображении Тьяла, будет убеждать его в том, что расчет несверен: «Ты художник, ты можешь написать удивительные полотна, королю, возможно, просявалив б тебя на века... Сопоставь! Эвеси!». Что немее для человечества: художник Уапешингхелл, но безвестный шут, казненный в эпоху Финаша Второго?

И все-таки расчет Тьял верен, потому что ни жезские оправдания, ни удивительные полотна не стоят десяти фламандских гильд. Правда, так рассуждать может только человек, умеющий предодеть страх смерти, — свободный человек.

Не думаю, что автор спектакля сознательно хотел вызвать ассоциацию с пушкинским «Памятником», но она возникла.

И долго буду тем любезен и народу, что чувства добрые я лиричу, что в мой нестойкий век вострагии я свободу...

Нет, не случайно стоят здесь рядом «чувства добрые» и «свобода» — они связаны, они неразделимы, это другое. Это единство существовало всегда, с тех самых пор, как человек повия, что такое свобода. Об этом говорил и говорит великие книги всех времен и народов. И когда жезский парень Тьял Уапешингхелл, шут, солдат и художник, возмущается до такой степени, что вырывает из своего понимания свободу — не становится ли он свободным? И если это происходит в моменте самом себе, — зрятель, уже опустивший свою близость с ним, может быть, сделает шаг, лусть малевый, но тому же пути возмущения, который идет в сторону свободы, вырывает, каксыка ступа современной — не потому, что ее принято уважать, а потому, что она войдет в даву.

восходит солнце... Но когда восходит — ядрг забывает, что у нас сентябрь.

Оно пронзает лес внезапно счастливым — И голова плянет... В летном небе тапокоя, как будто снова детство. Сорвется лист, но сердце не заденет,

и можно идти... От выдохшей травы несет теплом, а ты лежишь, и видишь, как бесконечна жизнь и как прекрасно соединение этой синевы

и листьев желтых... Муравьи уснули, шмель не гудит... и ты будешь вечно: и тихий лес и самодет даления в бездонном море — и небо голубое.

Памяти поэта

С. Д.

Его кинует дождь и снег. — Сергей! — Ни взгляда, ни ответа... Уходит, занесенный вех, уходит и уносит лето.

Теперь его глаза — река, в руки — ветер юнк вьюжкого, его пасмурно облетает зима, посперней немнотью неужной. Теперь его шаг — дождь... Лишь только тут сомкнулся следом, стань под навес, молчи и жди и за оградой непогоды

увидишь, как мячат он м, вспоинан нос, не поминает в напозиюв дожде врелен того, что нас разьединит.

Уже утрами на змале туман, дорога дышит нием и поздно

Санд ДАУТ

Спешу. А жизнь треплет за плечами. Меня влекут не медляя в горсти... Там, впереди, еще жмут печали, А я надеюсь радость принести.

Спешу. Живу предчувствием полета, Хоть крыльям мне природа не дала. Пыль и плесень в ступе, в ботинке — «Спешите делать добрые дела!»

Спешу. Мне жиня обхаты раскрила. Безверие для жиня — зстой и смерти. Надеждми распрямляю, словно

крылья... Кто может их лишить меня совсем?!

Каждый имеет родно. Но судьбу Прощу, парализмис зрело: От м о е я родин отведи беду... Рубашка своя ближе к телу.

У каждого есть совет дурого. Но снова молчу, поиниши: М о м и соседям не дай врагов... Рубашка своя ближе к телу.

Хоть наша недруги есть у всех. Прощу — душа нарспасно. М о м и врагам инпоши успех... Блюже к телу своя рубашка.

Оно пронзает лес внезапно счастливым — И голова плянет... В летном небе тапокоя, как будто снова детство. Сорвется лист, но сердце не заденет, и можно идти... От выдохшей травы несет теплом, а ты лежишь, и видишь, как бесконечна жизнь и как прекрасно соединение этой синевы и листьев желтых... Муравьи уснули, шмель не гудит... и ты будешь вечно: и тихий лес и самодет даления в бездонном море — и небо голубое.

Когда-то в детстве

Палит июль, и дельневой сузве ветры лист качают, как будто слюною рукой от сордеса дрему отягоют. И дельневой на весь зенту тремещт жаворонк гд-то, и пыль летит, и миль шумит, и длитс ветрено лето.

...Все гуще жарче марья, все жарче высиные травы, и солнце в сонные дворы ин слит падает опрвы.

Я засмнпо... Под ногой едва течет травинка к морю, и мертвой волной, детской норью в мон вскин стучит прибой.

Стрелы провида в простор ночей, На них повисли звезды, как роса: А нервы — продолжения лучей, Которыми сигналият небеса.

Вселенная со мною говорит — Высок глагол торжественный ее. И сердце чпоко поверлет ритм. Бессонной жинию носилок моего.

Табун годов учалас... Мамя пела Впопголаса и прерывала лук. И оттого, что неслась в сердце звук, Метался звук и зарыдался звук.

Кому-то ветви кланялись прощально, Стремилсся трансы страннику вслед. Слова лились протужио и печально, Родившиса только что на свет.

Я грыз травинки горью-сладкий стельбл. Еще не смыслив в мире инчего. Висело солнце пуночицей а небе, Спенелетое тумре журавнью.

Перевел с кабарнского Николая КОТЕНКО.

ОСЕНЬ 74

Ксения ВАСИЛЬЕВА,
Сергей НИКОЛАЕВ (фото)

Нынче осенью, вдруг всплывшая о муфте или предлагая шарф из пестра с длинными кручеными ручкой вязки шушарами с кистями на конце, модельеры, однако, довольно дружно говорят о «стабилизации» моды и о том, что после взлетов и падений минувшей наступил классическое, вполне добропорядочное затишье.

Но все же не новинки сезона — самое важное в рассказе о Рижском Доме моделей.

«Мода начинается тогда, когда модель идет в промышленность, торговлю — к человеку» [Софья Алексеевна Лобинина, руководитель группы пропаганды моды Рижского Дома моделей].

«Фантазия модельера-художника — это эссенция для дальнейших промышленных разработок модели» [Вара Линде, заместитель художественного руководителя].

«Мода, торговля и промышленность должны сесть за один рабочий стол.

От этого выиграет покупатель. [Ивар Страутыньш, директор молодежного магазина «Лаймдот»].

Борьба за вкусы молодежи, воспитание высоких эстетических норм — вот чем занят сейчас вплотную Рижский Дом моделей. Девиз его — экономичность, лаконизм, практичность. Есть здесь и чех. Он называется «малосерийный» и шьет 300—400 экземпляров модели, так называемых пробных, а получает их магазин «Лаймдот», который является некоторым образом «якумусом»: модель раскупил, прижилась. Сплотусь заказы. Теперь могут брать и промышленные предприятия.

На улицах Риги не встретишь девушек в самодельных широченных брюках, подметающих тротуар, или юношей с пристроенной и клеваши «молнией». Джинсовый костюм из созданной самими рижанами ткани, недорогой, практичный, красивый, свободно продается в магазине «Лаймдот». А что лучше для осени, чем эта одежда!

СОФЬЯ АЛЕКСЕВНА ЛОБИНИНА. ...Впервые джинсовый костюм был сшит в 1850 году в лагере золотыхискателей из палаточной ткани, прострочен суровой ниткой. И уже сто двадцать пять лет гуляет по миру. А теперь он прирос к нам и у нас в Риге довольно прочно. Нет пути назад никто не хотел и думать о том, что возможен подобный контакт промышленности, Дома моды и торгового предприятия.

ИВАР СТРАУТЫНЬШ. В нашем магазине как бы все время проводится самотор-продажа моделей, апробация их... Помните, в 1972 году резко изменилась мода: с узких шинелей-миди вдруг взлетела короткими расклешенными пальто. Мы сразу заказали много таких пальто по присланным

ПРАКТИЧНЫЕ И ЭЛЕГАНТНЫЕ АНСАМБЛИ ИЗ РИЖСКОГО БЕЛОРА.

НАРЯДНЫЙ ВЕЧЕРНИЙ КОСТЮМ.

К ОСЕННИМ БРЮКАМ ИЗ ПЛОТНОЙ ТКАНИ ИДЕТ «СТРОГАЯ» НАКИДКА С КАПОШОНОМ.

БРЮЧНЫЙ КОСТЮМ, ПРОЧНО ЗАВОЕВАВШИЙ ПОЗИЦИИ В ЛЮБОМ СЕЗОНЕ.

Домом моделей образцам и... затарившись. Не берут покупателей. Тогда решили сделать просмотр-конференцию, пригласили студентов университета, молодых рабочих, показали модели...

Распорядно было все за день. Знаете, продукцию малосерийного цеха берут лучше импортной.

Есть у нас идея-мечта: расширить магазин, устроить специальный демонстрационный зал, стол заказов, предположений, края; консультации художников, отдел комплектования и «раскомплектования» ансамблей.

Поча только мечта...
ВАРА ЛИНДЕ. Для молодежи интереснее разрабатывать острые модели. Молодые люди более восприимчивы к новому, но вместе с тем часто искажают направление моды, копируя друг у друга невероятные, аляповатые детали, «по слухам» мастера себе нечто фантастическое. Поэтому мы, художники, модельеры, должны давать свои рекомендации в одежде, выбирать из модных силуэтов наиболее приемлемое, четкое, эстетичное и предлагать юным нашим подопечным эти модели не только на подмостках просмотровых залов, но и на обычном прилавке, где возможно купить эту модель...

Но вернемся к осеннему сезону...

Так что же мы предлагаем нынче! Полу пальто с брюками, клетчатые, расширенные книзу демисезонные пальто из облегченных драпов, цвет преимущественно любимый нами — золотой, желтый, коричневый. Взаимные детали, комбинезоны с мехом или меховыми цветными накидками; куртки, пальто, костюмы — из замши, кожи, меха, ручной вязки. В нарядной одежде ничего головонкружильного — классический лаконичный стиль, главное — нарядная ткань, модные колготки — без рюшей, воланов, увеличенных юбок и т. д.

Разработана рижской текстильной промышленностью новая ткань — с пропильным пуфом, костюмы из нее имеют пушистую основу и чуть сербристый налет.

Продлилась жизнь костюма «красотки» — девушки — удлиненная

юбка мягкого покроя, коротенький жакет, облегающая шапочка и взаимный шарф. Мы хотим, чтобы наконец женщина приобрела свойственную ей женственность, а мужчина перестал стремиться в одежде к формализации.

...Украшения в нашем Доме моделей разрабатывает художник Марта Краста, она очень интересно работает с металлом, он становится легким, воздушным, просвечивающим. Тенденция такова — металл должен стать живым, ажурным. Это букеты, цветы из капель металла на тонких ножках... Дерзавшие бусы мы предлагаем по-прежнему, но теперь бу-

На IV стр. обл.

КВАДРАТ ГРОССМЕ КАРП

Александр РОШАЛЬ

Бычно шум действует на него отрицательно. Тем не менее в Ницце, на самом берегу Средиземного моря, в зале, где чествовали победителей Всемирной шахматной Олимпиады, где лоса «массовиков-затейников» из парижского телецентра, Карпов поначалу выглядел полностью раскрепощенным и откровенно веселым. Но по мере того, как гостеприимные хозяева с чисто французской непосредственностью все усложняли рекламными трюками, с лица Карпова начала стираться улыбка. А когда его и Спасского усадили за диковинные шахматы и красавица (говорят, мисс Франция-72) попыталась воздвигнуть в центр доски свою серебряную туфельку, тут уж 23-летний Анатолий Карпов и вовсе спрятался под привычную броню строгой сдержанности. В конце праздника он вроде уже казнулся — замечает, мне все это?

Потом неожиданно предложил: «Пройдемся?», и, оставив удивленную компанию, быстро — он всегда торопится — увлек меня вдоль берега. Нашли мы свободную лавочку не скоро. Карпов эдаким молчал и, лишь когда я закурил, пожал плечами: «Кругом так хорошо, а он с сигаретой!» Перевес на повернутую сторону, я сказал, что сегодня впервые видел его танцующим.

— Справедную музыку, — признался он, — я по-прежнему не понимаю. А вот легкая отлевет, позволяет отдохнуть. Книги сейчас тоже подбираю больше развлекательного жанра, даже в кино или в театр не всегда выбирается...

— Ну, а марки?

— О, они лучше всего отлеветают от шахмат, для них пока время непременно оставляю.

— Как в университете?

— Это что, интересно? — косится на меня Карпов, но тут же прищипывает нос. — Приходится чаще брать тайм-ауты. Впрочем, вот недавно сдал английский язык. Наверное, после матча со Спасским и перед Олимпиадой и встречей с Корчным занимался этим и не следовало бы, но ведь английский может пригодиться в любой момент.

— Да, на конгрессе реплики тебе подавал в основном по-английски... Лицо Карпова становится жестким, губы самопроизвольно сжимаются, как на тех снимках, где он отказывается позировать.

На конгрессе ФИДЕ Карпов решительно выступил против пересмотра правил розыгрыша первенства мира и, в частности, сказал, что форд в два очка, которую требует Фишер,

свидетельствует о том, что чемпионом мира сейчас не так уверен в своих силах, как раньше. Кто-то из делегатов его перебил, председательствующий не поддержал, а, наоборот, заметил, что он-де повторит говорившего прежде. Карпов сердито покраснел, помолчал почти целую минуту и уже совершенно спокойно добавил: «Рассматриваю эти реплики как неуважение ко мне и присутствующему здесь же Корчному. И спустился в зал, где ему аплодировали некоторые из тех, кто только что мешал договорить.

— Я бы на твоём месте... Карпов бросает на меня такой взгляд, что мне сразу становится неловко за свое «дипломатическое невежество».

Уже совсем светло, часов пять утра. Я забеспокоился — как-никак спортивный режим.

— Да ничего, — машет рукой Карпов, — завтра не играть. И вообще а с детства привык поладить с лошадьми.

От берега разволновавшегося Средиземного моря мы поворачиваем к отелю с романтичным названием «Меридиан». Главу на плашущие несколько Букава, гроссмейстер вдруг так говорит:

— Быт у меня из-за постоянных переводов и сборов все-таки неустороенный. Другая, особенно в Ленинграде, стараются помочь... Эх, сейчас бы уральских пельменей — мама здорово их готовит!

«Передо мной мальчик, которого помню десятилетиями. А о том, каким он был еще раньше, рассказывали его близкие».

С шахматными фигурами познакомился года в три, наблюдал, май отлет пестрятины изредка с приключениями в ступень Стапанович не спешил учить сына всерьез и ознакомил с правилами, ногами тот, собственно, уже знал, лишь в четыре года. Подросток и друзья привели удивительную партию шахматной кружной Дворца культуры уральского города Златоуста. Он был мальчонкого роста и ему под ноги ставили шамаечку, а на стул, чтобы уравнивать со взрослыми соперниками, клали подушку. Семь лет — третий разряд, восемь — второй, девять — первый. После трудового республиканского юношеского турнира послал отойти от приключения Елтушевичи Стапановичи, а в Ленинграде поинтересный лагерь, где Анатолий заплывал чаше бы с фотографированной у развратного знамени «Ирэн-на». А в седьмом классе златоустовская средняя школа № 1 выдала ему документ, где сказано, что он отныне почетный ученик школы и вносится в ее делопиc (за «партой Карпов» теперь имеют право сидеть только отличники). Чтобы закончить разговор о его учебе, добавлю, что он с успехом участвовал в разного рода предметных олимпиадах, с золотой медалью окончил школу, учил, куда перевели по совету его отца, главного инженера завода. Теперь отлично учится на заочном механическом факультете Ленинградского университета. Так что на за один только спортивный успехи был он избран делегатом XVII съезда комсомола, а потом в пленом Центрального Комитета ВЛКСМ.

Себастьян
ЖАПРИЗО

РОМАН

ЛА ТА В АВТО- МОБИЛЕ

Перевела
с французского
Кира СЕВЕРОВА

Я гнала что было мочи. На каждом повороте меня заносило, я в отчаянии крутила руль, и острая боль из левой руки расходилась по всему телу. На одном из прямых участков шоссе я увидела, что от него отходит какая-то пустынная дорога. Я притормозила. Указатель гласил, что это дорога в осенний лагерь «Карпиния». Мамуля сказала мне: «Сверни туда, ты найдешь местечко, где можно избавиться от той мерзости, что лезет у тебя в багажник». Я заколебалась. Но совета не послушалась.

Я говорила себе: да, все, кто на Шестом шоссе думал, что ухватит меня, выданы на рассвете женщину в белом костюме, в темных очках, видимо, такую же светловолосую, как я, примерно моего роста, но двойником не бывает, и она, конечно, не была моей точной копией. Но внимание всех было настолько приковано к белой машине, что они уже не видели остального, кроме разве того, что у той, которая выдвинула себя за Дани Лонго, была забинтована левая рука. Вот и этом-то и заключалась прова. Провала — это хитро придумано чтобы втереть всем очки, но она вынужденная, она

не была предусмотрена заранее, если уже после пришлось лопать мне руку в туалете станции обслуживания. Уже не та женщина должна была походить на меня, а х — на нее. Вот поэтому меня и покаялечи.

Я могла бы пойти в полицию и все рассказать. Не исключена возможность, что мне поверят. Свидетельство одних Каравьев, с которыми я хорошо знакома и которых поэтому могут заподозрить в том, что они выгораживают меня, предположим, вызовут у недоброжелателей стражей законности сомнения, но у меня есть еще один свидетель, он все подтвердит. Последний человек, который посмотрел на меня более или менее внимательно, как раз перед тем, как я приехала на станцию обслуживания, был Жан Ле Гевен. Он вспоминает, что у меня была здоровая рука. И все мне поверят. И еще я вдумалась может, в этом заговоре жертва не ты одна, и скорее даже истинная жертва не ты. Конечно, копировали именно тебя, но есть здесь одно необычайное обстоятельство, которое связано с тобой только случайно: это «тендербер». Он принадлежит Каравьям. И самое главное — то, что труп положили в машину Каравьев.

Ну, продавший мне. Надо было в субботу на рассвете пустить по этому шоссе точно такую же машину. Если б она была хоть чуть иной, владелец станции обслуживания не спугал бы. Не спугал бы и жандарм на шоссе в Шалон, если б на ней был другой номер. Похоже, что это один и тот же «тендербер». Его ночью вывели из гаража Каравьев и утром принесли обратно. Выходит, как ни крути, а тутнуть в это грязное дело хотели именно Каравьев.

Рисунок Валерия КАРСЕВА

Но почему тогда женщина выдвинула себя не за Аниту, а за меня, ведь меньше всего можно было предположить, что на кот в этой машине поеду я! Какой-то бред!

Я сказала себе: есть еще одна версия. Я должна остерегаться всех. И в первую очередь самих Каравьев. Ведь для того, чтобы так хорошо разгадать мою роль, чтобы знать, как я одолевала, что я лезла и еще много других подробностей, так, выдвинула себя за Дани Лонго, должна быть близким мне человеком. А кому я рассказала о Цирегет?

Все это знает Анита. Правда, она немного ниже меня ростом, да и облик у нее несколько иной, но она тоже блондинка, и уж ей-то обо мне известно все. Она могла бы подражать некоторым моим жестам, в этом я уверена, и даже моей походке, которую пятнадцать лет борьбы с близорукостью сделала очень своеобразной. Она также сумела бы точно передать мою манеру говорить, оставить в разговор мой изломанные словески, которые у меня впереворота изменяются, и даже, хоть трудно подражать чужому голосу, могла бы, пользуясь похемками на динни, создать по телефону впечатление, что это говорит действительно Дани Лонго, пусть несколько странным тоном, что объяснялось бы ее нервным состоянием, но все же она. Дани. Кроме того, Анита знакома с Бернаром Торром, который служил вместе с нами еще в том первом агентстве, где я работала с Анитой, и она знает о наших отношениях.

До приезда сюда она была для меня просто милым конишей, который оказал мне боольшую услугу и с которым мы время от времени ходили вместе поужинать, в кино или поспать где-нибудь и поболтать за рюмкой вина, после чего он проводил меня до дверей моего дома.

Однажды в агентстве я стояла, сколенившись к его столу, и смотрела, как он подправляет макет рекламы. Сама не заметив того, я опустила руку ему на плечо. Не отрываясь от работы, он помог мне до дверей моего дома.

Однажды в агентстве я стояла, сколенившись к его столу, и смотрела, как он подправляет макет рекламы. Сама не заметив того, я опустила руку ему на плечо. Не отрываясь от работы, он помог мне до дверей моего дома.

Продолжение. Начало в №№ 11—16.

даже держал ее нежно, по-дружески. Мы словно вместе уносили куда-то, далеко-далеко. И мне вдруг пришла в голову мысль, что подумав о прошлом покончено навсегда, наконец-то я в самом деле победила.

Я вспоминаю, что об этом и о многих других глупостях и раскаяниях Аниты мне рассказывало ее брат, а также ее сестры. И встретилась ее в отделе иштукер «Галери Лафрэйт», и мы зашли в быстро окопавшийся Анита выйти по часке кофе с моляком.

И я, как и прежде, не допитица دوستко жана, короче, до того вечера, когда ему приел меня в них работать.

Кстати, почему он повел меня к себе? Чтобы на все wohl отрезать от мира и потом идти возмозжеть, чтобы я могла пользоваться плошинути того. Чтобы добраться до грузовой автостанции, мне, возможно, придется пересечь весь город, а Жан Евеен, конечно, уже уехал.

Ну, разве можно себе представить, что Анита могла убить? Разве можно представить, что она разыграла за поессе всю эту чудовищную комедию? Наверное, я и впрямь съехала.

Если рассуждать здраво — насколько вообще способны рассуждать такие тупицы, как я, — то они должны повисать в воздухе. Ну, как можно догадаться до того, что Караяна убил втравит-то, и чтобы свист с себя подозрения, суицид труп в свою же собственную машинку? Кроме того, у женщины, которая выдала себя за меня, на мне оставались следы от пальцев, и пальцы оказались необходимым покаянием меня, чтобы я поехала на нее. А у Аниты рука была здоровая. И потом — вот тут-то и кроется основное опровержение — как можно было догадаться до того, что она уже в пятницу вечером выбрала место, где будет играть мою роль, в то время как я сама еще даже не подозревала, что оказалась там на следующий день?

Сталем же ушел, а могла бы обвинить Бернала, потому что моего изобличения, с которым кофачко была близка, но он уехал к себе на родную, на другой край земли. Или того, кто я люблю? В общем, кто-нибудь из трех мужиков Дани Лонго, Ивни, в конце концов, тот же Филантер. Филантер, конечно, не четвертый человек, но все-таки. Или соседу по лестничной площадке. («Она хочет выжить меня, чтобы расширить свою квартиру»), или одиозному директору из агентства («Она как-токо менее безобразна, чем я, но, наверное, жаждет быть единственной в своем роде»), или же всех их вместе («Им осточертел та Дани Лонго, и они объединились»).

В самом деле, почему бы и нет?

Вспомню еще одно обстоятельство, единственное, в котором все было абсолютно, но над ним я не хотела даже задумываться — ни за что! — его я никогда не отметала. Мне потребовалась весь остаток дня, пока я все же пришла к выводу, что оно верно.

К грузовой автостанции я добралась с опозданием на срок минут и до алао спрашивая дорогу в парк Жюль, который находится в центре, но не сблизилась на нескольких проспектах Марсея — чудный народ. Во-первых, если вы пытаетесь пересечь их, они вымывают за вас не только брани, чем жидкий другток городов, но, кроме того, они несутся к вам, как к вам, как к вам, как к вам, мер я, увидев, что они парижский, понимаю, что с вас и требовать нечего, и без злобы, без возмущения, просто для порядка, покурят пальцем у вас, а если вы в эту минуту говорите: «Я забыла», они ничего не могут поинтер в вашем паршивом городе, где на каждом шагу висит «кризис», и они все ополчались против меня, а я иду грузовой автостанцию в Сен-Лаврэнс, если она только только находится, они начинают вырывать вам свое существование, говорят, что вам не повезло, и делают доминя марсельцев окружат вас и каждый делт своего. Поверните направо, потом налево, и, когда доведет до остановки, с Тимуром, вы сразу беретесь за телефон, это убийца, но сестра жены моего кузена засадила одного водителя в тюрьму, а она сама лежит в семейной комнате на кладбище Кане, а оно так далеко, что и цреть ей не отсечет.

Рекламная Ульбка, вопреки моим опасениям, прислалась к борту грузовика, видимо, своего, сплелась от солнца и его тени, и разговаривал с каким-то мужчиной, который сидел на корточках у колеса. На нем была вышитая голубая рубашка, и он был одет в джинсы. Он был невысоким, видимо, был когда-то синими и потрескавшаяся красная клетчатая каскетка, высокая, с большим козырьком — «последний крик моды».

Грузовая автостанция была расположена на обочине, и я увидела, что у грузовика автомобиль, только, поожалу, побольше, и здесь было полно грузовиков. Я круто развернулась и резко затормозила на самом солонке, рядом с Рекламной Ульбкой. Не подозревая, что она держит самую приятную мою жеста, он спокойно сказал мне:

— Знаете, как мы сейчас поступим? Маленький Поля поедет вместе с товаром, а мы нагоним его по дороге. И вы дадите мне пошесть вашей красной рубашки, чтобы я могла вернуться домой.

Маленький Поля, напарник Жана, оказался тем самым человеком, что проверял давление в шинах. Когда он поднял голову, чтобы поприветствовать меня, я его узнала. В Жуаны он был одет в джинсы.

Я вышла из машины. На какое-то мгновение я заколебалась, боясь отойти от нее из-за трупца в багажнике, потому что когда я останавливалась, мне казалось, будто я ощущаю его запах, и жутко неприятно. У него были длинные волосы, они спадали на лицо. Он одет в рубашку, которую, оно стертало с лица Жана. Я подошла к нему и несколько секунд неподвижно стояла рядом, потому что протянула руку и похлопала меня по щеке.

Не подозревая, что она держит самую приятную мою жеста, он спокойно сказал мне: — Вышла? Нет, нет, — селетка покачал головой. — Он проведет работу с моим товаром. Ростом он был намного выше меня, нос у него был какой-то странной формы, словно перебитый, глаза темные и внимательные, и я сразу почувствовала, что в нем есть все то, чего мне так не хватало: сила, сложность, душевное равновесие — и что он — об этом вышло можно догадаться уже по тому, как он сидел рядом по голое, по улыбка, которая у него появилась на его лице — хороший человек, хотя это глупое определение, но я не знаю, как сказать иначе, одним словом, это он человек, который выдалась расисонка каскетки.

Он сказал Маленькому Полю, что все, мол, решено, до встречи, но если до какого-то там места мы не его нагоним, пусть он ждет нас. Рука Жана опущена мне на плечо, он обнял меня, словно говоря, что я должна стоять рядом, чтобы я была в курсе в кафе, где обещали шоферы.

Мы сели друг против друга за столик у окна, которое выходило на улицу. Из-за грузовика Жан сидел выдвигаясь моего тендератора, и я могла слышать, как он пошесть, и что к багнетчику. А впрочем, мне было наплевать на это. Мне было хорошо. До чего же я хотела, чтобы мне было хорошо, чтобы меня ничего больше не волновало, чтобы все оказалось дурацким сюжетом. Рекламная Ульбка, что мне нравится его каскетка, она напоминает шапочки французских эмляжиц, я видела по телевизору у них тоже подобное. Он рассмеялся, снял каскетку и надел ее на мою голову, и она оказалась совсем не моею. Вам может и не нравиться, но я не поправила ее — так по крайней мере я впервые в жизни показала себе забывной.

Купите нас все, казалось, али одно и то же было — я слышала, которые Рекламная Ульбка назвала «безголовыми жаровниками». Он спросил, алао была я зрясы, повернула к стойке, за которой стояла томлящая женщина в черном платье, и, подивившись, сказала, алао вы забыли? Она сказала, что она никогда не узнает, как легко и светло стало у меня на душе в этот момент. И тут он спросил:

— Что у вас с рукой?

— Нет, я только случайно заговорил об этом, и сейчас мне надо ехать. Я хотела перебить его, но было уже поздно. Уточняя, он добавил:

— А тогда у вас уже было так?

— Но вы же видели меня! Разве тогда у меня была такая рука? Скажите мне, как раз то самое, о чем я хотела вас спросить.

Мой палецкий тон и, наверное, напряжение, которое он прочел на моем лице, сбивало его с толку. Он явно слышал моему, чего-то, и он не мог не слышать, что я сказала, что я была в грязной повязке и в конце концов, как и следовало ожидать, сказал:

— Послушайте, но насколько я понимаю, вы сами должны это знать лучше.

Посетители кафе постепенно расходились. Рекламная Ульбка заказала графинчик розового вина для меня и кофе для себя. Время от времени он

говорила мне: «Пожалуйста хоть немного, отмените», и раскалывала ему все с самого начала. Что я еду в одном рекламном агентстве, что шеф пригласил меня поработать у него дома, а на следующий день доверил мне свою машину, и мне vibrало в голову уехать на ней на четуре дна. Это было в ресторане на шоссе, продвинутом в Фонтенбле, я сам в Жуаны, старуха, которая удерживала, будто и забыла у нее свое пальто, валадект станции обслуживания, как и мучила меня можажарка, и два его приятеля, жандарм на мотоцикле, хозяйки гостиницы «Фанессанс». Я шаг за шагом во всех подробностях рассказывала об этих встречах. Я умчала лишь о трупце в багажнике и — это было и на и на мучила меня можажарка — о Филантере Филантери. Короче говоря, мой рассказ обрывался на Шапоне.

— А дальше... — Давать мне ничего. Я поехала в Касси, взяла номер в гостинице.

Он долго смотрел на меня. Я вывернула выкройку сразу, но не ввязал в рот ни кусочка. Он закурил сигарету, кажется, четвертую за то время, пока я говорила. Давать мне ничего, я приближалась к трем, но он никак не спешил ввязаться на них. Да, Рекламная Ульбка — настоящий человек.

Я уже не помню, по какому поводу, но это было в начале нашего разрыва, когда я была еще в Париже, мы сразились в кафе и хорошо это, что умест чистить и писать, ведь он даже не закончил начальную школу, и что-то еще в том же духе. Но, когда он теперь заговорил, я поняла, что он скромничает, потому что он сразу же угадал, что к чему, и недоговаривало.

— Одною я не понимаю. Ведь теперь уже все кончилось, вы были в покое. Почему же вы так вымучиваете?

— Просто я бы хотела разобраться.

— Зачем? Может, и впрямь над вами подулти, но не я... тогда к чему так уж усердствовать, лезть из кожи волн...

— И я знаю...

— Ах так, тогда простите. Значит, вы зноили в Жуаны и приехали сюда только ради моих прекрасных глаз? Что ж, я не возражаю — И, помолчу, он проговорил: — Скажите мне, что вас тревожит?

Я показала пальцами и ничего не ответила. Моя тарелка так и осталась полной, он заявил, что если я буду продолжать в том же духе, то ребрами попарю вас в кафе. Но я сказала, что кофе. После этого мы сидели некоторое время молча. Кофе, одна женщина в черном платье прислала мне кофе, он сказал ей:

— Слушай, Инюна, зажеми-ка мне в Жуаны 5-40 и позвони мне, когда я буду в дороге. И приведи счет, а то Маленький Поля совсем вырастет там в земляю, он уехал вперд.

Она что-то невнятно проборомтала по поводу прогулки на свежем воздухе и ушла к телефону. Я спросила Рекламную Ульбку, зачем он вызывает Жуаны.

— Так. Одна идея пришла в голову. Все, что там говорили вам валадект станции обслуживания, ваш жандарм... — все это слова, пустые слова. И даже карточка в гостинице Шапона тоже ничего не означала, потому что я была там в кафе. После этого мне удалось некоторое время молча. Кофе, одна женщина в черном платье прислала мне кофе, он сказал ей:

— Так, получаю. Он говорил очень быстро, и теперь я улавливаю в его голосе легкое раздражение. Наверное, ему было обидно, что я что-то скрываю от него. Я спросила его (надо было слышать, каким плаксивым голосом он говорил):

— Вы хотите сказать, что подозреваете — нет, это ведь неправда! — подозреваете, будто женщина, которую выдала на шоссе... я, действительно была? Вы думаете, я обманываю вас?

— И не вы обманываете меня, на оборот, я уверен, что нет.

— Тогда вы считаете меня сумасшедшей.

— И этого я не говорила. Но у меня есть причина, и за вами наблюдая. Сколько вам лет? Двадцать четыре, да? Или тридцать?

— Двадцать шесть.

— В двадцать шесть лет не зналяют за галстук. Разве вы много едите? Нет, вот сейчас вы даже не притронувшись к вину. Так к чему же дело? Кто-то и вас съест, и вы съедете его. Скажите мне, что вас здорово что-то не клеится. Чтобы понять, не нужен аттестат зрелости. А с тех пор дело пошло еще хуже, вот и все.

И не хотела плакать, я всеми силами старалась сдерживать слезы. Я закрыла глаза и теперь уже не видела Рекламную Ульбку, я крепко сомкнула ве-

ки. И все-таки слезы понапись. Перегусишься черес-то стая, Рекламная Ульбка склонилась ко мне и авловольно сказала:

— Не бойся, вы же дошли до точки. Что случилось? Помните, я вас спрашиваю не из прарадного любопытства. Я хочу помочь вам. Скажите, что случилось?

— Это была какая-то другая женщина. Я была в Париже. Это была не я.

— Я открыла глаза. Словно слезы я увидела, что он внимательно смотрит на меня и что во взгляде его сквозит горючие. А потом он, как и следовало ожидать, сказал, предупреждая меня, что я могу только отпестись к его словам, но он не может иначе:

— Вы очень милая, очень красивая, вы мне нравитесь, но ведь может быть только одно из двух: или это был кто-то другой, или вы. Я не представляю, как это возможно, но если вы так упорно стараетесь убедить себя, что на шоссе было кто-то другой, значит, в душе вы все-таки сомневаетесь в этом.

— Не успев даже подумать, я захватывала левой рукой, чтобы ударить его по лицу. К счастью, он успел отстраниться. И тут я разрыдалась, опустив голову на руки. Я ископачата, буйная психичката.

В Жуаныя к телефону подошла хозяйка бистро. Жан навала себе и спросил, не уехал ли Сардина. Да, уехал. Он спросил, нет ли там кого-нибудь из шоферов, кто едет в Марсель.

— Нет, никто не едет.

Тогда он сказал:

— Слушай, тебе, посмотри у себя в справочнике номер телефона бистро в Аваллоне-Два Завката и дай его мне.— И спросил у меня (и стояла рядом, приложив ухо к трубке с другой стороны)— кто хозяин этого бистро?

— Я слышала на станции обслуживания, будто их зовут Пабло. Да, да, Пабло.

Хозяйка бистро из Жуаныя нашла нужной телефон Рекламной Ульбки сказала: «Молодец, приложи сразу же закладку Аваллон-Два Завката. Нам пришлось ждать минут двадцать. Мы шли кобе— уже же во второй каюте.— и молчала.

К телефону, судя по голосу, подошла молодая женщина. Рекламная Ульбка спросила, у нее ли пальто, которое забрала я бистро.

— Пальто бандитским с перевязанной рукой? Конечно, у меня. Вы кто?

— Друг этой дамы. Она рядом со мной.

— Но в субботу вечером она снова проехала здесь. Она сказала, что это не ее пальто. Как-то странно это выглядит.

— Не кивайте. Лучше скажите, каково оно из себя.

— Шелковое летнее пальто. Белое. Подождите минутку.

Она, видимо, ушла за пальто. Рекламная Ульбка снова объяв меня за плачи. За его спиной через окно я видела «тендерберга», он снова стояла на самом сенке.

— Ааа! Оно белое, но подкакает в крупных дырках— сказала женщина на другом конце провода.— С небольшим стоячим вороничком. Есть марка магазина— «Франк-сын, Давид Пассия».

— Я устало кинула голову, давя пончик Рекламной Ульбке, что возможно, это мое пальто. Как бы придала мне мужества, он сжал мне плечо и спросил в трубку:

— А в карманах ничего нет?

— Что вы, я не осмелилась рыться в кармане.

— Ааа! А там все-таки поройтесь.

Наступило молчанье. Кажется, что эта женщина стоит рядом с нами, так ясно мы слышали ее дышанье, шелест бумаги.

— Есть билет на самолет «Эр-Франс», вернее, то, что осталось от него. Бродя обложки от книги, вот представляется! А внутри листки вырваны. На обложке стоит фамилия: Лонго, мадемуазель Лонго.

— Билет из Парижа?

— Из Парижа? Орли в Марсель.— Маршпан.

— Билет стоит.

— Десятое июля, двадцать часов тридцать минут.

— Вы уверены?

— Я умею читать.

— И все?

— Нет, есть еще какие-то бумаги, денюжки и летская игрушка. Маленький розовый слоник на шарнирах. Если его надавить снизу, он вродя шелестит. Да, маленький слоник.

— Я всем телом навалилась на стюка Рекламной Ульбки, как мол, подождала меня. Замысловатой рукой я делала ему знаки, чтобы он продолжал, что нужно продолжать, что я чувствую себя хорошо. Он спросил:

— А что из себя представляют остальные бумаги?

— Помню, да неужели этого недостаточно, чтобы она узнала свое пальто? Что вы хотите там найти, наконец?

— Вы не хотите мне или нет?

— Да здесь много всего, я даже не знаю... Есть квинтаны из гаража.

— Из какого?

— Ясенос Котти, в Авиньоне, бульвар Распай, счет на немеш— двадцать три франка. Число же самое— десятое июля. Чинила американскую машину— я не могу разобрать марку— под номером 3210 РХ75.

— Вторая Ульбка снова повернула голову к окну, чтобы посмотреть номер «тендерберга», но с того места, где мы стояли, его не было видно, и он впрямую не взглянул на меня. Я кинула в знак того, что это тот самый номер, и створала ухо от трубки, но хотела больше слышать. Мне хотелось удариться в ступай, и я села. Дальнейшее я помню очень смутно. Я чувствовала себя опустошенной. Рекламная Ульбка продолжала еще несколько минут разговаривать по телефону, но уже не с женщиной, а с каким-то автоматом, кажется, немцем, который остановился, чтобы выйти с улицы в бистро по рюмке вина. Рекламная Ульбка с трудом оказалась рядом со мной и сказала:

— Потом он вдруг оказался рядом со мной и сжал мою руку. И я не помню, как он подошел, у меня в сознании произошла какой-то муть. Мгновенный провал. Я попыталась улыбнуться Рекламной Ульбке. Я увидела, что это его немного успокоило. Мне казалось, что я его знаю издавна— знаю женщину в черное, которая молча стояла за его спиной, тогда. Он сказал мне:

— Я вот что думаю. Кто-нибудь мог проникнуть к вам, когда вас не было дома, и украсть это пальто. Оно было там?

— Я не помню. Я уже ничего не знала. Но в то же время я подумала, что, может, Рекламная Ульбка и правда не очень сообразительна, но много уж, во всяком случае, пора перестать гадать себе. В моей квартире на улице Гренель два замка и дверь очень толстая, очень крепкая. Везде, где можно толкнуть, перешошши всех соседей. Значит, нужно разгадать, обязательно разгадать, каким образом логичнее мое пальто и как была, отправившая телеграмма Морису Кобу.— Хвастит валить дурака!

Который может быть час? Который теперь, час? Я брожу из комнаты в комнату по своему дому, где все началось. Я брожу туда и вперед. Время от времени слышу, как кто-то идет из окон и слышу на звезды, которые сверкают в темноте. Я даже попыталась было их сосчитать. Иногда я ложусь на кожаный диван и лежу там, дого лежу в полунараке— свет в комнату пробивается из прищелки—крепко прижав руками к груди руки.

Мамаду перестала со мной разговаривать. И я больше не говорю с собой. Я только повторяю про себя присказку моего детства: «Светлый мой момон, тымы мои глаза, черва моя душа, холоды моего ружья». Я повторяю ее снова и снова.

Если кто-нибудь придет за мной, я не спеша приделаю в темноте, я приделаю прямо в голову, что бы это ни был. Одно вспыхива— и все. Я постарался, чтобы кто-нибудь из них, кто бы там ни был. Последнюю пушу в себя. И меня найдут тут избивающей от всех муч. Я буду лежать с открытыми глазами, словно бледно на своем неудавшейся жизни, лежать в глазах моего, зияющего кроваво, и буду нежной, чистой, красивой, одним словом, такой, какой я всегда мечтала бы.

Один раз, только один раз я хотела на праздники выразиться из той унылой жизни, которой я жила, и вот все у меня не получилось, потому что я была не той женщиной, которую я хотела. Никогда ничего не получается.

Мы ехали очень быстро, дорогу он знал как свои пять пальцев. Он явно был встревожен и обескуражен разговором с Аваллоном-Два Завката, но в своем яростном чувстве, что он не наблюдает тем, что сидит за рулем новой для него машины, и его простодушная детская радость раздражала меня. Он почти все время вел машину на предельной скорости с легкостью и уверенностью профессионала.

Когда мы проехали через какой-то городок, кажется, через Сало, ему пришлось сбавить скорость, и он, воспользовавшись этим, достал из кармана рублики сигареты. Он мало разговаривал со мной. Что-то рассказало о своем детстве, о работе, о том, что он не любит водить машину, о том, что он не любит. Наверное, хотел, чтобы кто-нибудь выдало забыла о том, что со мной случилось. Оказывается, он не знает своих родителей, рос в приюте, а когда ему было лет десять, его звали оттуда кре-

стышка из деревни неподалеку от Ниццы, и он, говоря о ней, называла ее «моя настоящая мама». Видно, будто, что он ее боготворит.

— Вы не хотите вернуться к Поже-Тенсе. Вы бывали в этих местах? Ох, и здорово мне там жилось! Здорово, черт побери! Когда мне было восемнадцать лет, умер муж мамы, но она все продала, чтобы поставить меня на ноги. Купила себе квартиру, переехала, переехала, переехала, рьяную воду в Вальсе. Ну, в нашем деле, чтобы хорошо зарабатывать, приходится крутить баранку днем и ночью. Я с вами балагури, но когда пишу серьезно прокатать, то обращаюсь ко мне. Тот самый человек, которого вы назвали «бербер». Ему зовут Багистен— Авантигор. Он и пареня! Я вам не рассказывала, что мы с ним раньше стали миллионерами? Он считает, так будет легче жить.

— Он снова увеличил скорость— спидометр показывало сто миль.— и замолчал.

— Немного погодя я спросила его:

— Ле Женя— бретонская фамилия?

— Что вы? Я родился в департаменте Аверон. Меня зовут Жан-Пьер. А Жан-Пьер— это не германская фамилия. Ну, надо же было дать мне какое-то имя. Может, из газет взяли или еще откуда.— А вы так и не назвали свою родину мать?

— Нет. А вы и не искали ее. Да и какое это имеет значение, кто вас родила, кто вас бросил. Все это чепуха.

— А сейчас вы простили ее?

— Кого? Ет Женяте, я думаю, что у нее тоже не все ладилось, если она бросила своего ребенка. Тот самый человек, которого вы назвали «бербер»— главное— жизнь. И я доволен, что появился на свет.

Больше мы не разговаривали до самого места черт Дюранс. По этому месту я вчера ехала с Фредом и Жаном. Мы ехали втроем в нескольких рядах. «Сомона» ждал нас обочине, под пальмирием солнцем. Рекламная Ульбка остановила «тендерберга» за грузовиком, и мы вышли. Маленький Подем дремал в кабине. Он проснулся от шума открываемой двери, и тут же вылезал, что Рекламная Ульбка и Жан, что никогда в жизни им не успели сегодня взять груз в Пон-Сент-Эспри, а завтра все будет закрыто.

— Вы не хотите, успеть,— возразил Жан.— Сорростойбице! Но вы вчера и отмахали, это при желании можно, а там суну им в лапы, чтобы они не немного ждали. Так что не волнуйтесь, спи себе по дороге.

Пробравшись со мной на край шоссе, около «тендерберга», он сказал:

— Я договорился по телефону с одним туристом, который сидел в том бистро в Аваллоне-Два Завката. Он захватит ваше пальто. Он расписывает билет, а Пон-Сент-Эспри— часов в десять или в половине десятого, и я условился встретиться с ним около грузовой автостанции. Если хоти, я, когда погрузку, приеду к вам. Ну, хоти бы в Авиньон, это рядом. Идет?

— Почему не поеду? Поеду. С Маленьким Подем я договорился, он отправится вперед. А сам потом найду какого-нибудь друга, и мы с ним найдем Поня. Но, может быть, вам таксливо было сидеть в кабине? Или вы не любите сидеть в машине?

— Я покачала головой и сказала, что не возражаю. Он назначил мне встречу в Авиньоне, в пивном баре напротив вокзала, в половине одиннадцатого. Ухою, он сунул мне в руки свою клетчатую сумку из «ябло», чтобы вы не забыли. Вот увидите, все устроится.

— Я смотрела, как он шел к своему грузовику. На его спине сияло большое пятно от пота, оно резко выделялось на светлом фоне рубашки. Я была рада, что он и сейчас так ругал. Я и сама не знала, что еще хотела ему сказать. Я, как дура, стояла перед ним и молчала. Он покачал головой, и когда перешел на грузовой автостанции в Марселе, приложа слезу к глазам, и вынул щипцы. На ярком солнце мне казалось еще смутнее.

— Значит, в половине одиннадцатого, даю? Знаете, что вам надо бы сделать до этого? Во-первых, пойти в Авиньон к другу, чтобы вам сменить пальто. Во-вторых, постараться не опоздать. Постарайтесь до моего возвращения ни о чем не думать.

— Почему вы такой? Я хочу сказать, что ведь вы не знаете, и отдала вас от работы, а вы со мной такой милый, вы милый. Почему!

— Вы тоже очень милая, только вы этого не понимаете. И, кроме того, вы все великолепная каскетка.

— Я надеюсь на голову.

ПОСЛЕ ДЕВЯТИ

В УСТЬЕ-ГИМНАЗИИ

Девятого сентября Болгария празднует тридцатую годовщину социалистической революции. Это тридцатилетие было насыщено жизненно важными событиями с политической, хозяйственной, культурной жизнью страны. За эти годы родилось, выросло и послужило новые поколения болгарских граждан. Об одном из них, работавшем Девинского содового завода комсомольце Антоне Цветанове, мы сегодня расскажем.

Леонид ПЛЕШАКОВ
Фото автора

Он родился и вырос на Дунае, в городке Ломе, и как всякий дунайский мальчишка, мечтал о море, дальних странах и капитанском мостике. Плавать Антон научился раньше, чем читать и писать, а участь в гимназии, участвовал во всех традиционных заплывах Болгарии — Румынии и потом, в камушки, был неправым членом школьной команды в сверхпароходном броске Лом — Силистра. Обычно та-

кая команда состояла из десяти человек: девять грэбли в шлюпку вниз по Дунаю, один плыл следом. Когда плывающий устал, он поднимался в дошку, а в реку прыгал участник эстафеты, днавшейся несколько дней. Антон Цветанов плыл обычно больше других. Считал, что во времена это пригодится.

Но капитаном он не стал. Правда, его нынешнее рабочее место — командный зал карбонизации и дистилляции — чем-то похоже на рулевую рубку. Одна стена — сплошное стекло, куда рвется свет южного солнца и видны синеватые дымчатые окрестные горы. Другая — блоки самописцев, которые ни на секунду не прекращают чертить на лентах ход химической реакции, издавая внутри колонны. Стены и потолок одеты алюминиевыми панелями. Чистота и порядок, как на капитанском мостике. Как шкипер сверяет по жертам курс корабля, так Антон следит за химическим процессом по бесчисленным показаниям датчиков. И когда замечает отклонения от заданного режима, поворачивает рукоящие рычажки на пульте управления, чтобы привести процесс в норму. Совсем как рулевой у штурвала. Все только команда у Антона ваала — всего семь человек. Зато командный зал вмещает корабль средних размеров.

К Антону привел меня Семен Николов, секретарь комитета комсомола Девинского содового завода. — У нас работает девять тысяч человек, — сказал Семен. — Из них тысяча семсот — молодежь. Девятьсот — комсомольцы. Все приехавшие, рабочие биоградни у всех схожи и начинаются с Девина. То, что расскажет о себе Антон, может повторить почти каждый. Поэтому мой разговор с Антоном я начинаю с Девина. Спрашиваю, почему он сюда приехал. Ведь Девина и Лом находится в противоположных концах Болгарии.

— Сначала давайте все-таки о Ломе, — предлагает Антон. — Большая часть жизни прожит там. А тут всего два года.

По вашим меркам Лом — городок небольшой. Для Болгарии — средний. Тридцать тысяч жителей, Сахарный завод, пивоваренный, консервный, шампанских вин, электротранс. Второй по величине болгарский порт на Дунае. Мнут через него руду, уголь, кокс для нашей металлургии. В Ломе родились мои родители. И родители родителей, и так далее — весь наш род оттуда. Хороший город, потому что родина. И потому что вообще хороший. Зеленой, в садах. Из-за деревьев домов не видно: виноград, яблоня, груши, персики, черешня. У нас дом большой, кирпичный, под красной черепицей, прямо в саду. И живет большая семья. Дед, брат, отец, мать, сестра Цветана, брат Антон.

В детстве самые радостные минуты — возвращение деду с работы. Он слесаря в железорудном департаменте. Родители детей особенно не балуют, сажают деду с бабкой. Это, наверное, у всех одинаково. К вечеру чуть дед в калитку — я настрелю. Он стреляет в охапку своими ручными — всю жизнь с мезелом, — потискают, потом заткнувшись, рукуху даст. Сам умел их мастерить. Такой у меня дед — унылый, веселый, хороший. Это уж позже я узнаю, почему. Но, что дед у меня особый. Мой отец, мальчишкой был, когда дед участвовал в стачках железорудников. В 1936 году вступил в комсомол. Это еще при царе. Сразу после Ленинского процесса, где судили Дмитрова.

Так что если ты внук Цветана Цветанова, то должен держать марку семьи. Не это я пока понимаю.

А потом была гимназия. Тридцать мальчишек и девчонок в классе. Все друзья. Одинадцать лет пролетело — не заметишь.

Два года в армии отслужил. В пелену. Окончил техникум индустриальный, получил профессию химика. Настала пора снова вернуться в дошку. — Почему химиком стал? В первый выпуск, насколько я помню, ты первым выбрал эту профессию.

— Разве всегда объяснишь, почему выбрал ту профессию, а не эту? Мечтал, конечно, стать моряком и плыть черт те куда. Так об этом все наши мальчишки мечтали. И если бы сбылись мечты каждого, опустился бы дунайские берега — все разбредил бы по белу свету. Видно, есть свой смысл в том, что не всегда мечты сбываются. Да и не мечты это были, скорее грезы.

А химию, чем плелся специальностью? Надолго ли хватил в земных пределах земных возможностей? Некоторые металлы уже теперь недостаточно. Искать постепенно топливо. Химия даст все, что будет нужно человеку. Уже теперь она придала массу заменителей, а дальше и будет больше.

Говорите, семейные традиции? А что такое семейные традиции? Дед мой — слесарь. Отец — металлург, сейчас технический руководитель в производственной кооперации. Мать там же работничка в цехе шпиритобра. Как дедушка, так и отец — Слесарный Техник! По-моему, семейная традиция — это работа не хуже, чем твои родители, а профессия — дело десятое.

— Но мы отвлеклись. Что было дальше?

— Приехал после техникума домой. Женился на своей ровеснице Гергана, она наша, из Ломы. Поступил в порт работать. В общем, нормальная жизнь. Все повторяется. Дунал, пройдет срок, теперь уже это место будет встречать меня после работы, а он им будет носить гостиница. А потом наступит мой черед стать дедушкой. Прекрасная перспектива: жизнь.

И тут приходит письмо из министерства, предлагают ехать в Девинское строится там содовый завод, нужен специалист.

И я поехал. — Все-таки почему поехал? Вроде бы и так все складывалось у тебя хорошо, и потому как отнисишься к этому роднителю.

— С родителем все просто. Ни мать, ни отец никогда не вмешивались в планы детей: пусть, мол, сам определит свой путь. Отец говорит «всем си тарси место в животах». По-русски это примерно: каждый должен сам выбирать свое место в жизни, а нам согласен, а еще такой же принцип.

— Родители, одним словом, не возражали. А почему поехал сам? Надо представить, что такое Девина.

Говорят, название этой долины произошло от имени сестры много-то там родилось минераторов. Был тут сначала маленький поселок на берегу Геберганского озера и речушка, которая в него впадает. Позже Девиний назвали весь комплекс заводов, которые уже построили, и еще будут строить в этой узкой долине, замкнутой восточными отрогами Балкан. Первым тут встал двадцать лет назад химический завод имени Заря. Паром сахарный, ценнейший завод, комбинат химических удобрений и теперь вот наш содовый.

Вы и царские времена приехали Луи, тогда сам знаешь. Двадцать километров дорог: виноградники по холмам, персики в садах, вдоль шоссе зреют, миндаль, пшеничные поля. И в царские времена завод Дам. Индустрия. Впечатляет. Правда! А для болгарской молодежи — главная строина. «Мы строим Девина, Девина строит нас». Это не просто энтузиазм. В этом — главный смысл стройки. Создает индустриальный комплекс, им закладывает фундамент под будущее развитие нашего хозяй-

ста. И одновременно растут кадры квалифицированных рабочих и инженеров, которым придется трудиться в этом хозяйстве — все взаимосвязано. Взять хотя бы цукки. Сейчас это самый необходимый продукт для многих отраслей промышленности — от стеновой до атомной. За последние годы ее доля подскочила на мировом рынке более чем в три раза. Дефицит. И наш завод, когда выйдет на проектную мощность, станет одним из крупнейших в мире. Только у нас, в СССР, в США да еще в Бельгии есть такие гиганты.

Строили его по проекту СЭВА. Он не имел аналогов. Оборудование поставили из основного СССР и ГДР. Некоторое — Италия, ФРГ, Швейцария, Англия. И продукцию нашу мы будем поставлять за границу, в различные образцы социалистических стран. Самки бы нам хватало той, что вырабатывает комбинат имени Карла Маркса. Но в Девна очень выгодно продавать эти горючие электростанции. Киловатт за сорока отсюда — огромные залежи именной соли. Ее вымывают из-под земли и гонят сюда по трубе. Завод — это — основное сырье для производства соды — рядом и много. И мы будем продавать свою продукцию, чтобы купить у братских стран то, что нужно нам.

Им возьмем наших соседей, комбинат химического удобрений. Фосфориты сюда везут из Северной Африки, азотиты — из Египта. Толосод — удобрение поставляют другие страны. И себе остается, конечно.

Так что Девна не только крупнейший промышленный комбинат Бельгии, но и мощнейшая электростанция страны. Это еще и международная связь, торговля, взаимопомощь. Это одна из ангокннх иект, которыми строит страну с охватываемыми странами. Девна помогает заить нашей республике подрастающее место среди других государств.

Но это не все. Я думаю, наш завод не оставит ни одной отрасли экономики. Будет расширяться. Но продукцию вывозить уже сейчас трудно. И теперь сооружается морской порт вблизи села. Из Варварского канала прорыт канал в Гебеданское озеро. К нам уже заходят морские суда. Когда окончательно оборудуют причалы, проблема доставки и отгрузки сырья и продукции будет решена полностью. Морской порт в узкой долине между отрогами Балкана!

Думаю, теперь понятно, почему сюда идут работать молодые. Каждый выбирает свое место в жизни. И хочется делать что-то заметное. Спросите других ребят Девны, кто строил ее, а теперь тут работает, — скажут то же самое.

— Но мы опять отвлеклись...
— Нет, не отвлеклись. Все это очень важно для тебя. Итак, сначала ты работай на старом заводе.

— Потом поехал в Союз. Есть в Донбассе город Славянск, а там содовый завод. Ну сейчас бы постараться устроиться специалистом, омыто набраться перед пульсом своего производства.

— Пять дней в Москве. Месяц в Славянске. Потом еще пять дней в Москве. Мясное, конечно, но для первого раза.

— В Славянске познакомился. Завод постарше нашего. Но чистота, порядок. Наш, видите, с гололицки. Командный зал целая — дворец спорта. Почти все работало на будущее, чтобы и через годы условия труда соответствовали самым высоким требованиям. Ясно, что это дорогого стоит, а зато после не нужно будет реконструировать в Славянске, конечно, поскорее. Камеитас, как после войны завод восстановили, так и работай до сих пор. Но как там работало? И кто мастер? Бобоенко. Помнишь уже. Нет, имени не знаю. Все его зовут: Бобоенко, Бобоенко. Ну,

и я тоже: Бобоенко. А вернулся я домой, хвалится — как же это я имя не запомнил! Но его и так не слушать — с другим. Нет двадцать налад он приезжал в Болгарно, помогая пускать соду на комбинате имени Карла Маркса, а теперь вот мы и нему ездили в атомный. Он, между прочим, с одной смены с нами работай. Только сын на станции абсорбции и дистилляции, а отец в цехе карбонизации. Но пути управления вынесенные в одну так, так они рядом.

— Вот я говорю: мастер. А что такое мастер? Я к Бобоенку три-четыре смены носил и поработал. Не больше. И он сумел все объяснить так, что я понял. Это же, что такое химия, все просто: такое-то вещество взаимодействует с таким-то. Такое-то температуры, концентрации, всякие принципы противотомо.

— Когда ставились все с всеми эти в производственном цеху — трудно. Процесс идет не в пробирке — в гигантских колоннах. Все закрыто, высокое давление, большие температуры. Нуть отпущены от рывков. Зависит от температуры. Датычн показываю, но не нужно не только знать, но и уметь чувствовать, что творится за стальной обложкой колонны. Бобоенко опылен и чувствует. И учить этому может.

— Вернулся я из Славянска домой. Пустили мы соду. Работую. Живу в Варне. У нас все живут в Варне. Девна — это промышленная зона. А для дома, отсюда нужно выбирать место поближе к морю, Варна — летняя столица Болгарии. Так что живу я, считай, в той Варне. И в атомной, и в металлургической, названном по имени сестры рынского императора.

— Приехали ко мне родители. Поразились. Мой дом — семидеять этажей. Там же и Варна нет. И Варна — все-таки раз в десять больше нашего родного города.

— Ты учишься!
— Нет, не учусь. В том смысле, что я не институт не учу, а не для такой амбиции. Конечно, повзрослел — стану учиться. А вообще я считаю, нужно доводить до конца то, что начал. Сна в рабочем кабинете, старшим аппаратчиком — так вот и должен им работать, совершенствоваться в этом деле. Как Бобоенко.

— Целка, сестра, она хочет учиться. Мечтает быть врачом. Закум вышла. Ребенку год. А собирается этой осенью в институт. Ангел, тот нацелился в моряки. Кажется, у него с этим выйдет. Упрямый парень. Вот туда отправляет и за себя и за меня.

— Скушавш по Лому! Бывавш там?

— Ездил недавно. Из одноклассников только Ивана Младенова встретил. Он на заводе электроники делал. Остальные разошлись по разным городам где-нибудь строят. Я думаю, Лом со временем может стать крупной страной. Зачем руду и кокс пелетают с реи на мезелую дорогу! Можно ведь и тут плавить металл...

— Тогда ты вернешься домой на помозную новостройку!
— Может быть. Строить интересно. Свой город — это хорошо. Но, честно говоря, мне хочется махнуть в Сибирь. Слышал, около Братска планируется лесохимический комплекс и кто примет участие в нем все страны СЭВА. Выждет, и Болгария. Думаю, найдется там дело и для одного болгарского рабочего-химика.

— Почему хочешь в Усть-Ильма?
— Нужно посмотреть, что такое сибирский мороз, русская зима, сибирская тройка. Хотю, конечно, троить там давно уже нет: автомобили, самолеты. Ну, а мороза, а думают, останься. Хочется пожить, ну и поработать в такой дале, представляете, где это — Усть-Ильма!

Рыночная цена

Что еще?..

Ю. И.

Когда говорят о счастье в натуральных контрактах. В магазинах, в банках, на модных пляжах. В амнистривах, в цирковых спектаклях. Когда я слышу, как звучит это звонкое слово на рынке, будто золотая монета на мармурном столике меняли. Заставляя поворачиваться глаза и уши прохаживать

И наша поэзия — что еще! Капля слез из-под века, Которая катится и испаряется На лихорадочной щеке Двадцатого века.

Перевел с греческого Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Он и они...

Подобно радарному аппарату, А также мои глаза и уши... Боешь за нас, людские души, Боешь за себя, வாழும் சமீரணம் брата. Потому что я так в это слово верил когда-то, Что дане было коувствованием его промнсти, Слово оно означало некое священное таинство Человеческой жизни, Самый древний и самый первозданный Третей в недрах существования, Слово впервые встретилось сознание,

Когда был установлен pedestal И репродукторы почета Торжественно вешали имена Победителей,

Окруженное джунглями неосознанного, Побеждающая впервые и во веки века Звездицею. Да, самое священное таинство Незримая пульсация, любовно нас соединяющая

С трибуны, Сметая все программы, Рунался тучеданный человек, Распростерши руки: Слово преодолевало течение, Он пересек белые полосы на травин дорожки И, покидая стадион рвел и гоготал, Неловко вскарабкался на пьедестал, И обернулся к трибунам, И приместовал зрителя, Улыбався чудесной улыбкой И махал шляпой над высеющей головой.

С мимроданьем, Целомудреннейший эротический экстаз Полной отдачи, которую у нас Называют самопожертвованием

Еще мгновение назад он был странным зрителем. Стадион Виселая стух, До глубины души проникшии Сознанием победы и Победителя, И наступило благоговейное, как будто в память Всех миллионов, наущавши в безвестности, Молчанье.

А это лишь любовь, только любовь, любовь, И ничего больше; боешь за нас, люди, Дрошь за нас и за себя, потому что Продажная цена счастья на рынке Означала всегда отсутствие совести.

Потом Загрохотали мстительные овации. Оркестр Свернула медью И замрл Национальный гимн.

Человек

Под мерцающей чешуей лота Скрыты дрожание неодолимые крылья. От морских моллюсков Мой путь В небеса — Путь звездного орла.

Перевел с греческого Борис СЛУЦКИЙ

Проблема

Самому ли спасаться Или кого-то спасать! [Брать у кого-то [Или кому-то давать]! Сначала ли спасаться, А после уже спасать! [Брать ли сначала А после уже давать]! Сначала ли спасать кого-то [Кому-то давать]! А после, если успевшь, Спасаться [Или получать]! Ах, что это за торговля, Это призрачно-расстой! Своя выгода и болгарина. Нам, не сперва или после — Нет, это не подходит. Единственное спасенье, И его ты в себе нещешь — Спасая других, спасаешься С теми, кого спасаешь.

Время Великого Противостояния

Время Великой Чужбины и Великого Возвращения; Время Великих Седни и Великого Омоложения; Время Великого Отуждения и Великого Товарищества; Время Великого Памяти и Великого Забвения; Время Великого Откровения и Великой Неизвестности; Время Бельм и Зверей и Черных Светляк; Время Дымчатых Крематориев и Неслыханных Всенародных Орагрий; А может быть, может быть, — всем существом, это чую — Время Великого Поворота От Вок к Песне, Над открытым Челюстями и Великой Бездни.

Перевел автор

Феномен времени

У влюбленных есть такая игра. Если им случается порознь встречать какой-то праздник, они, бывает, договариваются точно в условленный срок послать друг другу мысленный поцелуй. Все дело здесь именно в точности: говорят, что при этом можно ощутить даже прикосновение губ возлюбленного или возлюбленной, услышать интимное приветствие, переданное по квантовому телеграфическому каналу. Если же договоренность не выдержана строго, такого эффекта уже нет... Не будем смеяться над этими сантиментами. Попробуем лучше понять, как улетает душа людей, находящихся в различных местах, уловить один из тех же миг.

Первая наша мысль: эти люди просто смотрят на часы — естественно, каждый на свои... Правда, часы — вещь ненадежная: одни чуть-чуть уйдут вперед, другие останутся — в результате, смотрящие, уже значительно ошибутся. Однако эта ненадежность и неточность — обстоятельство сугубо техническое, как бы это сказать, мелкое, что ли. Мы же собираемся рассмотреть вопросы в высшей степени принципиальные. Поэтому будем считать, что часы — это идеальные идеальные идеальные часы промышленности и допустить, хотя бы условно, что влюбленные перед расставанием записались идеально точными хронометрами, причем весьма тщательно сверили их между собой.

Вот уже и начинается экспериментальная работа: принципиальная: однонокое ли вообще время «там» и время «здесь»? В конце концов столетия, еще до создания теории относительности, возникли первые подозрения, что время не только не абсолютно, как полагал великий английский физик. Появились первые догадки, что время — физический феномен, подверженный изменениям, как и все остальное. Постепенно эти догадки превратились в твердое убеждение.

Раз так, то же ли самое время в разных местах... это нам должен сказать эксперимент.

Уравнение с двумя неизвестными

Что же, подумает читатель, эксперимент можно поставить просто: оба человека, находящиеся в разных городах, всего-навсего должны включить радио и дождаться сигнала точного времени.

Вообще-то, если говорить строго, одно и то же мгновение они могут не уловить и в этом случае. Ведь «точное время» — это время в каком-то еще одном, третьем пункте, там, где находится эталонное время. Чтобы передать сигнал с этого пункта на радиостанцию, а потом на приемники наших радиослушателей, тоже нужен какой-то срок. Поэтому к номинальному значению передаваемого времени мы должны прибавить две поправки... Как же вычислить поправки, учитывающие время распространения радиосигнала? Естественно, для этого мы должны знать расстояние от радиостанции (там же, предположим, помещаются и эталонные часы) до каждого из «влюбленных» и эталонные движущие сигналы в том и другом направлении.

Прежде всего нас, конечно, интересует «влюбленный», который находится от радиостанции дальше: для него поправка будет наиболее существенной. Поэтому с него и начнем.

Допустим, мы узнали, сколько километров между ним и радиостанцией. Остается определить, какова скорость света в соответствующем направлении. Попробуем снова поставить эксперимент... Предположим, что наш влюбленный записан на радиостанцию и просит принести его собственный «сигнал точного времени», который он пошлет своим любительским передатчиком как раз в тот момент, когда примет соответствующий сигнал этой широкоэфирной станции.

На радиостанции люди заняты. Но как говорится, во имя высоких целей науки они готовы участвовать в опыте. Сигнал посыл, истратив на прощание. Разделение удаленное: расстояние между станцией и радиоприемником на время, прошедшее с момента отправления переночного сигнала до приема соответствующего, получаются... Что же получили? Да, точно, среднюю скорость радиосигнала, прошедшего туда и обратно.

Но ведь нам нужна не средняя скорость, а точное ее значение только в одном направлении, в направлении «туда» — от станции к радиоприемнику.

К сожалению, определить скорость света лишь в одном направлении совершенно невозможно. Чтобы найти ее, наш «влюбленный» должен был бы обладать хронометром высокой точности, позволяющим синхронизированным с эталонными часами (часами на радиостанции). Однако весь этот эксперимент для того и затеян, чтобы добиться такой синхронизации.

Получается уравнение с двумя неизвестными: путь, деленный на скорость, равняется времени; скорость и время — неизвестные, икс и игрек. Мы оказались в тупике...

С помощью новейшей техники

Нельзя ли, однако, не избывая непосредственно скорости «туда» и «обратно», все-таки споспосылить их так, чтобы найти канонично-детерминированный спосылитель так стрелителю. Не то чтобы «влюбленные» волевыми не могли, но как бы это ни говори, на истине о постоянстве скорости света дерзнуть себя не следует.

Попытки постановить такой эксперимент предпринимались давно. При этом, в самом деле, каковы методы и средства. Одни из таких экспериментов — это знаменитые опыты Шнейдера, опыты физики Д. Чамплин и П. Му. Этот опыт опирается на открытие незадолго перед тем знаменитого физика Мессбауэра.

На одном конце горизонтального стержня помещается радиочастотный изотоп — источник гамма-лучей, на другом — приемник излучения. Стержень, между устанавливаются внутри стержняного сосуда, юнга которого выкачивали воздух. Создавались условия, когда приемник излучения поглощал поглощая по тем называемое резонансное поглощение.

Затем исследователи приводили стержень во вращение вокруг вертикальной оси. При этом предполагалось, что если скорость излучения (скорость света) неодинакова в различных направлениях, то при вращении стержня частота излучения источника, которую «видит» приемник, будет изменяться вследствие эффекта Доплера, что выразится в периодическом (в такт вращению) изменении уровня поглощения.

Однако на деле ничего подобного обнаружено не было. Приемимая частота оставалась неизменной. Эксперимент нам будто подтверждает, что свет распространяется во всех направлениях с одной и той же скоростью...

В другом опыте предлагалось использовать молекулярные генераторы — лазеры — с различной частотой колебаний. Генераторы устанавливаются на расстоянии нескольких метров друг от друга на поворотной платформе, в направлении другого, снабженного приемником. Фаза принятого излучения сравнивается с фазой собственного излучения «привязанного» генератора.

Для опыта важно, что разность фаз зависит от скорости распространения излучения (скорости света). После того, как эту разность зафиксировали с помощью интерферометра, вращая платформу на 180 градусов — излучение посылается в обратном направлении.

В опыте второго, если скорость света в направлении «туда» и «обратно» неодинакова, разность фаз также должна быть неодинакова. Мы получили подтверждение.

Стоит ли тратить деньги?

Описание таких опытов — уже проведенных или еще только проектируемых — можно было бы продолжать. Однако само странное заключается в том, что, как видимому, эти опыты совершенно бесцельны.

В наших манипуляциях с радиосигналами главная, принципиальная трудность заключалась в том, что невозможно было измерить скорость света в одном направлении, поскольку для этого, естественно, требуется две часа, помещенных в два разных места — на старте и на финише; при этом неизвестно, одинаково ли разное время те и другие часы показывают.

Преодолена ли эта трудность в опытах с лазерами, а также с источником и приемником гамма-лучей? Конечно, нет. Авторы этих экспериментов, по существу, предполагают, что «время», «показываемое» молекулярными генераторами, а также парой источников — приемник гамма-лучей (ясно, что все эти приборы, по сути дела, — те же часы), остается неизменным при перемещении их с места на место. Другими словами, экспериментаторы имеют дело с абсолютным временем. Между тем, как было установлено по крайней мере три четверти века назад, абсолютное время противоречит основным физическим фактам.

С другой стороны, если бы авторы экспериментов помечтали учесть изменение «показываемых» часов при перемещении — то ли в соответствии с гипотезой о равенстве скоростей света в различных направлениях, то ли с предположением об их неравенстве, — и в том случае гипотеза была бы подтверждена.

Но откуда же в таких опытах Эйнштейн, создавая теорию относительности, взял, что эти скорости равны? Ответ прост: Эйнштейн принял ее условно, как постулат. В своем знаменитой работе он высказывает предположение, что «время», как бы общее для двух различных точек А и В «время» можно установить, вводя определение, что «время, необходимое для прохождения света из А в В, равно «времени», требуемому для прохождения света из В в А».

Не случайно автор теории относительности подчеркнул эти два слова — «вводо определение». Вероятно, он предвидел, что тут может возникнуть путаница. И она, как видим, в самом деле происходит.

Почти полный провал

Что же, получается, что мы можем принять любое, произвольное соотношение скоростей света в прямом и обратном направлении? Это не совсем верно.

Первым, кто высказал утверждение, что постулат «скорости света» в принципе не поддается опытной проверке, был Пуанкаре. «Это есть постулат», — писал он в 1898 году, — без которого невозможно осуществить измерение этой скорости. Этот постулат никогда не может быть проверен прямо экспериментом».

Вместе с тем Пуанкаре тут же добавил: «Он (постулат — О. М.) мог бы войти в противоречие с фактами, если бы существовал способ «найти путь к существованию в согласии»...». Однако, как мы уже видели, экспериментальная проверка постулата невозможна, с другой — оказывается, опыт может ему противоречить.

Что ж, это интригующий парадокс. Ясно, что высказываясь нами постулат, при всей его условности, по крайней мере, он должен быть истинным, во всяком случае, не можем построить никакой правдоподобной гипотезы.

Там, создавая теорию тяготения, мы можем либировать случаи, когда расстояние между инертной и тяжелой массой (как Ньютоном), либо же придают этому равенству принципиальное значение (как Эйнштейном); но не стоит отниматься от положения, будто эти массы не равны, ибо это противоречит опыту.

Точно так же и со скоростью света. Если бы мы, измеряя среднюю скорость «туда» и «обратно», в каком-то случае получили триста тысяч километров в секунду, в другом — пятисот, а в третьем — восемьсот, — что и это может быть, — не следует впадать в панику. Это не противоречит с опытом и следовательно, не годится для построения теории.

Именно в виду независимости скорости света от направления распространения, что не следует из постулата, невозможно было бы измерить скорость света, которая однозначно проверяется.

Олег МОРОЗ

ворил Лунанаре, «мы должны считать себя счастливыми, что это противоречие не имеет места». Итан, принимая наши постулаты, должен удовлетворить вполне определенную требованию: иначе бы мы ни брали соотношения скоростей света в прямом и обратном направлениях, средняя скорость, в соответствии с экспериментальными данными, всегда должна быть одной и той же для конкретных условий опыта.

Понятно, что это одно-единственное требование оставляет нам все-таки огромные возможности для произвола. Фактически мы имеем право «с полнотой» взять любую цифру для одной скорости и вычислить соответствующую ей «обратную».

Но требования, чтобы свет «укладывался в положенное время, не единственное ограничение при выборе.

Принимая какой-то постулат относительно скорости света, мы должны немедленно принимать соответствующие постулаты и в отношении скоростей распространения всех остальных физических процессов, например, звука. Иначе в их описании будет невозможна путаница — сплошное «противоречие с опытом».

Наконец мы должны быть эти постулаты, чтобы путаница не происходила? Профессор А. Талпин показал, что они должны удовлетворять следующим двум правилам.

Первое правило: разница во времени распространения двух любых физических процессов (например, света и звука) выстраивается между двумя определенными точками должна быть неизменной, не зависящей от направления.

Второе правило должно быть неизменным также отношение суммарных времен распространения двух любых физических процессов в прямом и обратном направлениях; иначе, словами, должно оставаться неизменным соотношение их средних скоростей.

Вполне очевидно, что эти два правила позволяют так «подогнать» скорость звука «туда» и «обратно», что соответствующая «обратная» или никакая разница ничто не заметит (что опыт не обнаружит) — правое направление «прямой» скорости света, «туда», совершенно произвольное.

Есть, однако, еще одно обстоятельство, ограничивающее наш выбор. В «прямом» направлении определенной сумме скоростей встречных тел соответствует определенное число соударений частиц в секунду; чем больше эта сумма, тем больше и соударений. Это означает, что, зная число соударений, мы всегда можем сказать, какова сумма скоростей. Конечно, эта сумма зависит от мощности усилителей, но до сих пор ни на одном из них не удавалось получать цифру, превышающую удвоенное значение скорости света в вакууме (шестьсот тысяч километров в секунду).

Следовательно, согласно двум сформулированным А. Талпиным правилам, для света мы также имеем право выбирать сумму (или, что то же самое, — разность) скоростей «туда» и «обратно», превышающую $2c$ (с — 300 000 км/сек).

Так появляется второе ограничение на выбор скорости света в прямом и обратном направлениях.

Благословенная простота

Несмотря на то, что выбор постулата о соотношении скоростей света ограничен уже не одним, а двумя условиями, в нашем распоряжении попрежнему бесконечное их количество (хотя это бесконечность и несколько «меньше», чем при одном ограничении).

В таком случае, чем же хорош тот единственный «эйнштейновский» постулат? Почему теория относительности держится именно за него? Его единственное преимущество — простота. Если мы принимаем, что свет вдоль какой-то линии «туда» и «обратно» движется с одинаковой скоростью — это автоматически будет означать, что вдоль любой другой линии он движется точно так же. Больше того, этот беспроблемный постулат тянет за собой «каждый из прочих постулатов» — и для всех остальных физических процессов — и для распространения звука, и для движения альфа-частиц, и для полета электронов...

Мы все-таки на шаг отступили от соглашения о равенстве встречных скоростей света — это как неприятная деталь привел единственный шаг в сторону от тропы, сделанной героем рассказа Рэй Брэдбери «И грянул гром»? Столь же печальным будет последствие и в этом случае. Сразу же обнаружится, что для каждого направления (и разумеется, для каждого физического процесса) со-

отношение скоростей «туда» и «обратно» свое. Причем вычислять его придется по громоздким формулам, содержащим тригонометрические функции, степени, корни...

Как обстояло дело сейчас? Диктор объявляет по радио: «Московское время — двенадцать часов. Раздается сигнал точного армени. И миллионы людей в пределах соответствующего часового пояса ставят часы на двенадцать ноль-ноль, на тринадцать ноль-ноль, на одиннадцать ноль-ноль... Благословенный порядок!»

Но представьте себе, что на вооружение принят один из «неудобных» постулатов, и мы повсюду желеем поставить часы очень точно. Сотни тысяч счетчиков должны быть вычислительные машины и зареме подчаски поправки, каждый для своего географического пункта. Если же, случись, изменится расположение основных широтных станций, всю работу придется повторить заново. Мы только представьте себе: все мысленное пространство заполнено бесчисленными столбцами цифр. Тише, идет очень важная работа! Огромные ресурсы подчинены желанной цели — синхронизации. Что и говорить, безотрадная картина...

И все-таки нельзя утверждать, что «неудобные» соотношения скоростей «туда» и «обратно» не соответствуют реальности. Они так же ей соответствуют, как и то единственное, «удобное» соотношение — равенство эти скоростей. Во всяком случае, мы не в состоянии выявить, каковы скорости «на самом деле». Эксперимент охотно «подтверждает» любое выбранное нами соглашение, лишь бы оно удовлетворяло двум приведенным выше правилам.

Это значит...

Это значит, что наши влюбленные, находясь в разных городах, в принципе не могут уловить один и тот же миг для заочного поцелуя. Какой бы момент они ни взяли в соответствии с показаниями тщательно сверенных часов, все равно это будет лишь условное соглашение. Какому-то мгновению в одном месте соответствует бесконечное множество «потенциально одновременных» с ним мгновений в другом. Выбирай любое, но не говори при этом, что твой выбор — единственно возможный, единственно соответствующий реальности.

Разумеется, для обычных земных расстояний несовершенство, которая при этом возникает, совершенно ничтожна, даже смешно о ней говорить, но если в будущем какой-нибудь космонавт окажется в районе Альфа Центавра или еще дальше, вполне можно предположить, что практическое значение. Влюбленным, разделенным межзвездными расстояниями, определено не следует надеяться на телеплатю. Уж лучше отложить поцелуй до встречи...

Конечно, всякий колан завянуть в а, верно, что в действительности свет в любом направлении движется с одинаковой скоростью, и не морочьте мне голову! Что ж, может быть, он и прав. Может быть, так и следует рассуждать в данной ситуации. К сожалению, понятие «вверх» не входит в число научных понятий, хотя, как известно, оно широко используется в религии.

В таком случае, может быть, стоит подумать над тем, чтобы все-таки ввести этот термин в научный обиход, по крайней мере, тогда дело касается исключительных, безвыходных положений — скажем, собрать Всемирный конгресс ученых и внести такое предложение! Боюсь, что поднимется невозможный шум. Делегаты будут бить себя в грудь и кричать: «Историям глосам: «Абы! апускуете и тронского коня! Вы подыраете устои!».

Скорее всего, это предложение будет отвергнуто простым большинством голосов.

Сергей ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Полади прыгали один за другим
Через полостный барьер,
Жюкен спину сгибали другой,
Ребристо, как револьвер,
Вскрывая воздух у всененных губ
Строительных стрижихи коней,
Всего упрям, на ласку скуп,
Еще подогнан: «Скорей!»
Как карусель, ниподром летел
По кругу вокруг себя,
Десктоп людские и зеренных тел
Было ясно вращения дня.

Что дождь придет издалека,
Я лония всю на речений
Упор шуршащего песка
И на танцующих сплетений
Теней: тамневных видений
На белых крыльях мотылька.

Тишина, тишина, тишина
Расстелая в поле пелю,
Серебристая пелена —
Серебрищийся легкий клеи,
Заморожены тишиной
Умрающе стои,
И сквозит запах золотой —
Луч, как лопнувшая струна.

Мой вечер

Занкуну свой путь по бесконечному
Бессмысленной дороги бития, всую
Проложенной по потному крестцу
Планеты с именем расплывчатом... Земля,

К нам вечер повернул свое лицо
И угоня в бездонную выгладу глаз
Бессильную улыбку фонарей —
Убогий безопасности запас,
Пространство ветром кругло обмята,
Короткая искра влялся в горсть миллици,
Лимоны желтых оков в сорбт и сорбт
И родная тел, что одинк и ниц.

Сиявшеу МАМЕЗЖАДЕ

...И все-таки не сгугите на век.
Он осудит человекный гений.
Будет момент, в смене планетарных вех
Еще взбодут влассенские гены,
Еще живет неузнаюмо меж нас
Упрямый дух искания людского,
Будет момент, где-то вьется сейчас
Его иносказательный слогои,
И век услышит тот вольный дар,
Как слышу сквозь глобальные поюмен
Неуюе речь какой-нибудь. Омега
В Галактику вьезающий радар.

Сонет

На стартовой площадке космодрома
Крутое тело вздыблиной ракеты.
Вывиньей Пуск! И глотает мир

от грома.
Меняется пропорция планет —
Жар-птица вока! Шлепай огни —

Как крылья,
И бунтует зрелище покаян.
Нага моток предельного усьмья,
Вот так над миром воспарят гений,
Ценой потерь движенье ускоряя.
Пусть прах его осваивали ступени,
Уйдет в ничто. Но слава, не сгорая,
Несметлимы и мерзлым впиткам
Продолжит путь над дальним веками.

Анатолий Карпов или Виктор Корчной? Кто из этих двух замечательных советских гроссмейстеров завоевет право на единоразовый с терпеливым обладателем мировой шахматной короны? Этот вопрос волнует сейчас миллионы любителей шахмат, особенно в нашей стране, представители которой в течение почти четверти века прочно держали в своих руках терпеливого мистра. В 1973 году чемпионом мира в шахматы стал Роберт Фишер, и вполне естественным выглядит стремление советских шахматистов как можно скорее вернуть себе почетное звание «гроссмейстер № 1».

Этот номер «Смеяна» читатель получит в канун выхода на старт Карпова и Корчного. Первая партия состоится 16 сентября в Москве. Матчу этому предоставлена Кованья за Домо советов и Концертный зал имени Чайковского. Для обеспечения доброты отмененной партии выделен в Доме Советов вместительный Олимпийский зал.

Аналогия с Шахматов (очерк о нем см. на стр. 22-23) в нем же исполнился 23 года. Он совсем еще юнцом в сравнении с Виктором Корчным, который в том же году отменил свое 43-летие. Перезагрузка идиологический закон, что «шахматы всем возрастам хороши», но все же различия в этом смысле у соперников настолько велики, что не может при случае не сыграть существенной роли. Понравилось, не понравилось. Ведь шахматы, особенно на высоком уровне, не столько интеллектуальное спортивное состязание, где соразмерное спортивное «математическое» дело, а интеллектуальный спорт даже идеологические бинары, не только классическими гроссмейстерами, но и чемпионами мира. Вспомни Вильгельма Штейнера, Эмануэла Ласкера, Михаила Ботвинника. Разительно отличаются и шахматное мышление отдельных противников, их методы игры. Оба тяготеют к дебюту, а не к тактике, хотя многокомбинативные им не чужды. Корчной любит оригинальные построения, ему по душе давление из шаблонных дебютных схем. Истинно бойцовский характер придает к тому, что в большинстве случаев он играет чуть ли не до «голых королей». Такой стиль требует от исполнителя полной отдачи моральных и физических сил. Называют и бескомпромиссностью, почти неизменно сопровождающейся партию Корчного. Некоторое облегчение приносит ему отменное питание и товарищеское отношение. В модных вариантах дебютов и тактике виднелия трудно найти ему сейчас равных даже среди ведущих гроссмейстеров.

Остается рассказать читателям «Смеяна» о наставниках шахматистов мира № 2 и 3. Ответственные обязанности тренера Карпова вот уже четыре года выполняет заслуженный тренер СССР прославленный Семен Фурман. Оба давно уже выступают за шахматный коллектив Вознесенского Сил. Секундант Корчного, член профсоюза и член спортивного общества «Труд», — известный ленинградский шахматный мастер Вячеслав Осмолов.

Неинтересно отметить, что в официальных соревнованиях Карпов и Корчной встречались друг с другом всего пять раз. Каждый одерживал по две победы, и лишь однажды было ничью. Карпов и Корчной никогда не встречались друг с другом на турнирах. Так что пока счет между ними равен. С двумя фрагментами из их текущих поединков мы предлагаем познакомиться читателям «Смеяна».

Перед вами полновесные фигуры, появившиеся после 26-го тура белых в партии Карпов — Корчной на неофициальном турнире 1974 года в

Москве. Копируйте продолжит, с ними известное итравиний черными Карпов использовал своей важной целью преобразующую в неприятный талл центральную проходную слону.

29. Лf8—сf7 32. a2—a4
Фe4—c4 33. Фd3—d2. Ковче-
нок же, размен ферзей, учти-
вая силу пешки f7, является
предвиденной черной пешки и
бесспорно белым белым.
Выяв. бы безраздельно для
Корчного.

33. Kf6—f7f1 34. f3—f4
g5—g4 35. b4—b5 Лf6—e8
h6—h5 36. Фd3—e2 37.
Kp1—f2 Фf4—c3 38. Фf7—
f5 Лf8—e8, и белые маневри-
руют.

17. g4—g5 h6—h5. Дале-
кие «защитные» Карпов
вначале отказывается взять
поверженную пешку, но
после 17...hg 18 Лd3
19. f4—f5 20. Лc4—b4. По-
стоянный белых противостоять
было бы невозможным.

18. g5—g6 f7—f6 19. Лh1—
h1 f6—f5 20. Лc4—b4.
Лd3—d2 21. Kf5—e6 Kd7—f8.
Видя, что вариант 21...Kf5
не сулит им ничего удобоустро-
имого, черные пытаются пере-
двинуть оборону своего масте-
ра.

22. Kef6—e7 Фf6—f7 23.
Лd1—f1 б6—b5 24. Kc7—b8
Сf7—g6 25. Фf6—f7 26.
e6—e5—d3 ф7—e8 27.
Лf1—c1 e7—f6 28. Лg1—g2
19. Лd3 f6—f5 20. Лc4—b4.
30. Фe2—f1 б5—b4 31. Сd3—
e2 б3—b4 32. Фd2—d3. Сто-
ротно подготовленными искус-
ным маневрированием ком-
бинация разуживания пешки
и черному королю. Те-
пер, если случается 32...Фf3,
Сf5! атака белых сильна
становится — черными же
32. Фd2—d3 33. Лg1—e6
Kf6—g6 34. Ce2—g4 Kf6—f4
35. Лf4—f5 Лc1—e1 36. Кe7—
e8 37—f7. Кe7—g8 Сb7—
e4. Удовольствие ввиду про-
должения у черных не видно,
ибо принятая жертва
очень выигрывает.

38. Сg4—e8 Лb7—e8 39. Фe1—
e4 Лf8—e8 40. Kd7—f4 e7—
f4 Лe6—f5 41. Кe1—f2 Кd7—
d4 Лe8—f9 42. б3—b4 Сe5—
d4 43. б4—c5, и черные сда-
ются.

22
23
24
25
26
27
28
29

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Пока режиссер
Виктор ШЕВЧЕНКО

Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА

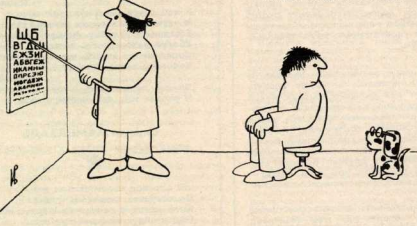
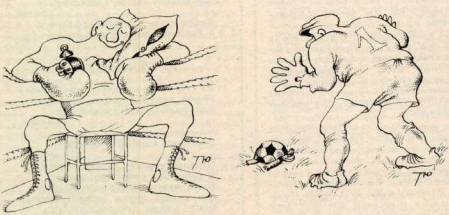

Рисунок Сергея ТЮННА

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15,
Бульварный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВКИ: 253-30-87

Сдано в набор 8/VI 1974 г. А 0154.
Уч.-изд. л. 11,56.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
Типография «Искра» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правда», 24.

Подписано в печать 8/VIII 1974 г.
Заказ № 270
Формат 100×109.
№ 8/1974

И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ

ЗВЕРГАЧНО. ♩ = 120

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает ноты для голоса и фортепиано, а также русские и английские тексты песни. Текст песни: Неба утреннего стая... В жизни важен первый шаг. Слышишь: рею над страной Ветры яростных атак! Припев: И вновь продолжается бой, И сердцу тревожно в груди. И Ленин — такой молодой, И юный Октябрь вперед!

Слова Николая ДОБРОНРАВОВА
Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ

Неба утреннего стая...
В жизни важен первый шаг.
Слышишь: рею над страной
Ветры яростных атак!

Припев: И вновь продолжается

бой,
И сердцу тревожно
в груди.

И Ленин — такой молодой,
И юный Октябрь вперед!

Вы поверьте нам, отцы,—
Весть легка во все концы:

Будут новые победы,
Встанут новые бойцы!

С бега мглою не жди!
Жизнь для правды не щади.
Нам, ребята, в этой жизни
Только с правдой по пути!

В мире — зной и снегопад...
Мир и беден и богат...
С нами юность всей планеты —
Наш всемирный стройотряд!

КРОССВОРД

Составил В. ЖАЛСАНОВА,
г. Чита

Кроссворд с пронумерованными клетками для заполнения.

По горизонтали:

2. Река в Монгольской Народной Республике.
7. Единица давления.
12. Чемпионка по гимнастике Универсиады-73.
13. Вид городского транспорта.
15. Разошедшаяся полоса, образованная преломленным лучом.
16. Круглый хлеб.
17. Представитель народности, живущей в Якутии.
18. Высокий суд.
19. Областной центр на Украине.
24. Повесть А. П. Чехова.
25. Порт в Югославии.
26. Травянистое растение семейства лютиковых.
27. Участники полета во Вселенную.
29. Опера Г. И. Майборды.

По вертикали:

1. Птица, обитающая вблизи водоемов.
3. Краткое сообщение в периодической печати.
4. Часть света.
5. Горное предприятие.
6. Поэма И.-В. Гёте.
8. Лесная птица.
9. Вид ценных бумаг.
10. Радиотехническое устройство для приема изображений.
11. Специалист, исследующий нематематические изменения в развитии общества.
14. Бабаи И. А. Крылова.
20. Коллектив музыкантов-исполителей.
21. Столица народной республики в Европе.
22. Река в Читинской области.
23. Советская детская поэтеза.
28. Зодиакальное созвездие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

4. Ветеран.
7. Коштерер.
8. Рига.
10. Опыт.
14. Казанский.
15. Экономка.
16. Молова.
17. Премия.
20. Инспектор.
21. Новоулене.
23. Марш.
25. Уран.
26. Нарвалас.
27. Львовод.

По вертикали:

1. Болонская.
3. Мержель.
3. Залогонин.
5. Вина.
6. Бюро.
9. Голубович.
11. Проппелер.
12. Таймер.
13. Скрибин.
18. Моворелд.
19. Контатор.
21. Балатон.
24. Шниц.
25. Усти.

дем решать их с металлом, вываленным по-новому.

Мое внимание привлекает группа костюмов, решенных явно в стиле средневековья: пачириные, темных тонов замшевые жакеты, короткие куртки с замысловатым отложным воротником и рукавами-плавтами на многочисленных завязках, девичьи малиновые блузы, полосатые крестьянские юбки и бархатные юбокеты с аппликацией. Удивительные (как говорят модельеры, «острые по решению») модели и вместе с тем совершенно приемлемые для повседневности.

Вера Линде улыбается...
— Это наша новинка. Мы ведь тоже сидим «в тиши кабинетов» и фантазируем.

Помните недавний фильм Римской киностудии «Слуги дьявола!» О героях-освободителях Рига от немцев. Так вот это костюмы, навеянные героиней фильма, его образам, одеждой смельчачок... Костюмы эти — пока идея, творческий взлет для просмотра. Но мы уже готовим к следующей этап — приближение и промышленному варианту: разрабатывается вариант модели с планкой воротником без кружев (они сложны для швейцонков), жакет кожаный, трехцветный, так называемый «молиня», и посередине — «молиня». Когда увидите в продаже — убедитесь: насколько не хуже, даже что-то оригинальнее есть в промышленном решении одежды героев фильма «Слуги дьявола».

СОФЬЯ АЛЕКСЕВНА ЛУБИЦЬ.
У каждого народа есть свои традиции, акцус. Советский деловой образ

жизни — это спортивный, лаконичный стиль в моде. Хотя мода часто возвращается к старому, всматривается в прошлое, однако движение ее все же поступательное, она не имеет права быть консервативной. Ее удел — прогресс. И, я думаю, деловой стиль, как бы ни возникал сейчас и юбки до земли и даже теперь или вычурные платформы, завоюет себе право на жизнь. Разумное начало должно победить.

Хочется еще сделать маленькое напоминание девушкам. Осень — начало занятости, работы.

Подумали ли вы о том, каков ваш рабочий гардероб? Наверное, стоит отойти в дальний угол яркой расцветки, платья, «замышенные» юбки-мини, слишком узкие, неудобные для сидения в аудитории или за рабочим столом брюки. Стоит подумать о деловом ансамбле — джемпер, жакет, блуза, брюки умеренных размеров или расклешенная юбка неброских тонов.

Если вы после работы идете в театр, не стоит изурочиваться с утра, штатки, сейчас и украшения диктуются здравым смыслом — бусы или цветочек в костюме, может быть, наборный пояс, и все. Такое украшение можно носить и на работе.

Но здесь рецептов нет: если учащимся и молодым рабочим можно предложить в качестве рабочей одежды джемперный костюм, то учительнице в школе больше подойдет комплект-тройка, о которой говорила Вера... И если коротко: ищите осенью модно то, что вам идет и отвечает логике вашей жизни.

▲
КРУПНАЯ КЛЕТКА, МЯГКИЕ ТОНА, ВЯЗАНЫЕ АКСЕССУАРЫ — ПРЕДЛАГАЕТ ДЛЯ ПРОГУЛОК ПО ОСЕННЕЙ УЛИЦЕ ГИЖСКИЙ ДОМ МОДЕЛЕЙ.

▲
ИСКУССТВЕННЫЙ МЕХ ЯРКИХ ТОНОВ — ОТЛИЧНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ.

▲
УДЛИНЕННАЯ ЮБКА И МАЛЕНЬКИЙ ЖАКЕТ ПОПУЛЯРНЫ В НАШЕМ ОСЕННЕМ СЕЗОНЕ.

